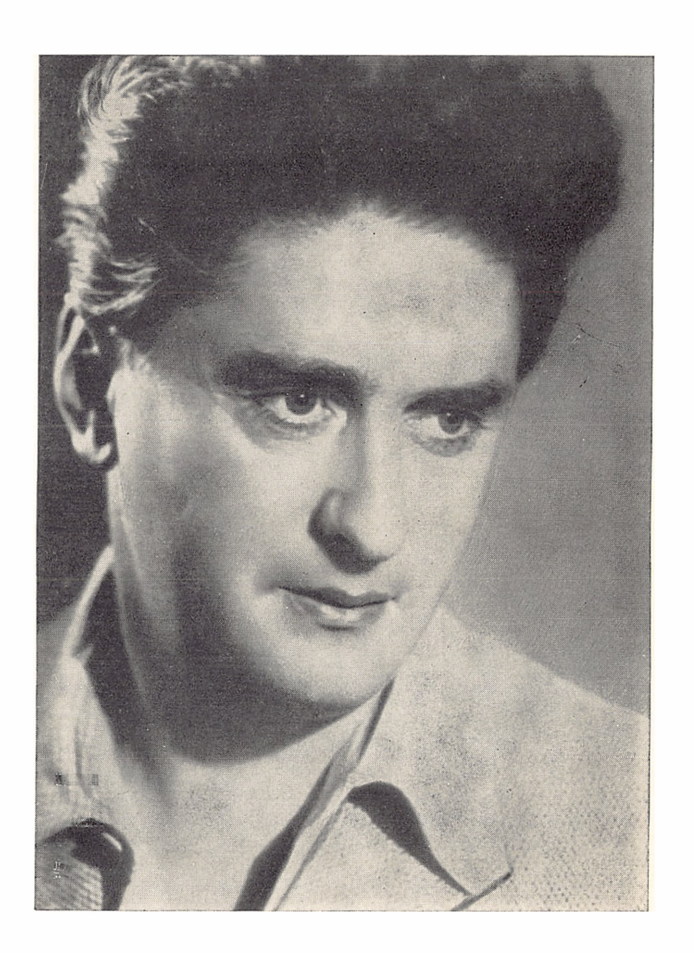
ИОСИФ УТКИН

СТИХОТВОРЕНИЯ И ПОЭМЫ

ИОСИФ УТКИН

ИОСИФ УТКИН

СТИХОТВОРЕНИЯ И ПОЭМЫ

Государственное издательство
ХУДОЖЕСТВЕННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ
Москва 1961

Вступительная статья
З. ПАПЕРНОГО

Оформление художника
В. ЕРЕМИНА

ПОЭЗИЯ ЛЮБВИ И МУЖЕСТВА

Иосиф Уткин писал о себе:

И, может быть, в годы железа
И я быть железным сумел,
Чтоб в лад боевой марсельезы
Мне девичий голос гремел.

Железное мужество и нежная память сердца, гром боевой марсельезы и «девичий голос» — сквозные темы его творчества. Не всегда они звучали «в лад», порой расходились, отдалялись друг от друга; и тогда лирика оборачивалась сентиментальностью, почти романсовой чувствительностью и надрывом. Но лучшие произведения Иосифа Уткина отличает внутренняя цельность. Молодость чувств, веселая жизнерадостность, готовность идти навстречу испытаниям, тонкая, чуть грустная ирония поэта над самим собой, прославление верности другу, любимой, родной земле — все это не просто соседствует, но естественно сливается в неразделимый поэтический сплав. Этим произведениям суждена долгая жизнь.

Сборникам своих стихов поэт не предпосылал автобиографии. Даже в двухтомном издании автобиографий советских писателей (1959) жизнеописания Уткина нет. Но в од-

ной книжке, посвященной творчеству молодых поэтов двадцатых годов и ставшей уже библиографической редкостью, мы находим рассказ Уткина о себе. Он невелик, приведем его целиком:

«Мне еще рано писать автобиографию. Я могу дать о себе некоторые биографические сведения. Любителей «хороших» биографий я огорчу. Я не сын «папы от станка» и не «отпрыск сиятельного дворянина».

В 1903 году мать меня родила в Хингане, в Китае, где мои родители служили.

С двух-трех лет я живу в Иркутске, где безвыездно просуществовал до шестнадцатилетнего возраста. Чем я занимался в течение этих лет? Очень многим: учился, выгонялся из училищ, был маркером, «мальчиком» на кожевенном заводе и просто бродягой.

В 1919 году принял участие в революционном перевороте в Иркутске. В 1920 пошел добровольцем от иркутской комсомольской организации. Уволившись в 1922 г., стал работать в газете. К этому же году относится начало моей поэтической работы.

В 1924 году попал в Москву, где мирно тружусь и по сие время»[1].

В Москве Уткин поступает в Государственный институт журналистики, который кончает в 1927 году. Он много работает в редакции «Комсомольской правды» как автор, как редактор и организатор. Позднее — руководит группой молодых поэтов при Гослитиздате. Стихи Уткина вызывают горячий отклик у критиков и читателей. Вокруг них завязываются ожесточенные споры.

---

[1] В. Вешнев, Взволнованная поэзия, «Молодая гвардия», 1928.

С первых же дней Отечественной войны поэт на фронте. В боях под Ельней он тяжело ранен, лишился пальцев правой руки. Демобилизованный, он снова отправляется на фронт. В ту пору Советская армия уже ведет бои в Польше, Румынии, Чехословакии. Возвращаясь с фронта в Москву, Уткин попадает в авиационную катастрофу. Его находят мертвым под обломками самолета с зажатым в руке томиком стихов Лермонтова — любимого поэта.

Иосиф Уткин пришел в литературу со стихами, хранившими жар боев под Кронштадтом и Перекопом.

В двадцатые годы тема гражданской войны развивается в нашей литературе широко и многосторонне. Вспомним романы Фадеева, Серафимовича, Фурманова, Федина, Леонова, стихи и поэмы Луговского, Тихонова, Светлова, Асеева, Багрицкого.

Для Уткина это не просто литературная тема — она неотделима от его личного опыта, она пережита и выстрадана. Отсюда — правдивость и достоверность в изображении боевых эпизодов времени, которое отделено всего несколькими годами, но уже стало легендарным.

Тут мы сталкиваемся с неожиданным парадоксом. Чаще всего поэтов критикуют за ранние стихи — за следы подражательности, ученичества. С Иосифом Уткиным получилось не так: критика больше всего хвалила именно ранние его стихи, в которых он выступил как сложившийся мастер. Здесь он ничего не приукрашивает, чужд какой бы то ни было «красивости», проявляет ту внутреннюю сдержанность, чувство меры, которые усиливают эмоциональную действенность стиха. Иначе говоря, ранний Уткин свободен от тех изъянов и недостатков, которые скажутся позднее, во вторую половину двадцатых годов.

Вот стихотворение «Расстрел» (1924). Боец говорит о последних минутах перед гибелью. Он окружен частоколом штыков, заслоняющих небо. Белогвардейский солдат не сводит взгляда с его полушубка. Приговоренный просит дать закурить, но в ответ на эту последнюю просьбу слышит: «Подохнешь без махорки». Точно увиденные, подчеркнуто будничные детали обстановки, непосредственно воссозданная, грубая речь конвоиров... Но все это вправлено в рамки необычайного, житейски неправдоподобного: мы слышим голос расстрелянного, его посмертный рассказ.

Иосиф Уткин здесь обращается к форме, которая получит затем развитие под пером других поэтов — от Михаила Светлова, автора стихотворения «В разведке» (1927), где боец-разведчик, словно перешагивая через смерть, описывает свою героическую гибель, до Александра Твардовского, написавшего «Я убит подо Ржевом» (1945—1946).

К тому же 1924 году относится стихотворение «Налет». Читаешь его и с трудом веришь, что оно принадлежит перу двадцатилетнего поэта, почти юноши. Картина расправы белогвардейцев над «красной» деревней дана скупыми, сильными, выразительными штрихами. Каждая деталь: буран, который мотает ели «косматым кулаком», розовое небо, как будто отразившее багровую кровь, деревня, шатающаяся «на дыбе дымного огня», — все говорит о страшной беде, обрушившейся на крестьян, о человеческой боли, страданиях, о звериной жестокости карателей.

В таких стихотворениях, как «Письмо» (1923), «Расстрел» (1924), «Налет» (1924), «Рассказ солдата» (1924), «Двадцатый» (1927), Уткин предстает как своеобразный художник со своим поэтическим почерком — прямым, резким, заостренным, лишенным каких бы то ни было «завитушек».

В ту же пору, в 1924—1925 годы, он создает одно из

значительных своих произведений — «Повесть о рыжем Мотэле».

Революция, ворвавшаяся в застойный мирок мещанства, перевернувшая вверх дном раз и навсегда заведенную жизнь еврейского квартала,— такова тема «Повести». Поэт отказывается от бытописательства, от неумеренного воспроизведения жаргонных словечек. Внутреннее движение поэмы связано с переходом от старых обывательских, «единоличных» представлений — к новому строю мыслей и чувствований.

Одна из первых главок поэмы открывается строфой:

Сколько домов пройдено,
Столько пройдено стран.
Каждый дом — своя родина,
Свой океан.

Перед нами развертывается жизнь, где необъятно широкое слово «родина» как будто разорвано на мелкие-мелкие кусочки, на «мое» и «твое», где «океан» стал чуть ли не чем-то вроде личной собственности; каждому отведено свое место: один мечтает о курице, а другой курицу ест; «большое счастье» здесь почти равнозначно «большому дому».

Рыжий портняжка Мотэле раньше беспрекословно исполнял все установления этого вековечного мещанского мирка. Он и не мечтал о большем, чем имел:

— Ну, что же?
Прикажете плакать?
Нет так нет! —
И он ставил заплату
И на брюки
И на жилет.

Так бы и влачил он смиренно-жалкую, неказистую, словно заплатанную жизнь, если б не гром Октября, возвестив-

ший рождение нового мира. Инспектор, раввин, полицмейстер — еще вчера величественные и неприступные, убежденные в нерушимости существующего миропорядка,— сразу же потеряли всю свою представительность. Господин полицмейстер «сел в тюрьму», жена инспектора «весит уже не семь, а пять».

С полной силой развернулась в «Повести» характернейшая особенность дарования Уткина: ирония, непринужденный юмор, мягкий и добрый, когда речь идет о тружениках — портных, сапожниках, мастеровых, и беспощадно язвительный, когда поэт обращается к вчерашним «хозяевам». Внешне автор отказывается от прямых обличений, не клеймит, не указует перстом. Но сколько уничтожающей издевки в его казалось бы добродушном рассказе о раввине, который теперь больше никому не нужен со своей проталмуженной мудростью, или об инспекторе, который в конце концов удирает от революции за границу,— еще бы, ведь для него «каждый дом — своя родина».

Веселая, озорная, жизнерадостная сатира слита в поэме с чистой, прозрачной лирикой. В последних главах раздвигаются рамки повествования, уже не один квартал, а вся Россия встает со страниц поэмы — заново рожденная, с бескрайней далью будущего. И уже не иронический, а глубоко взволнованный голос автора слышится в заключительных словах:

Милая, светлая родина,
Свободная родина.
Сколько с ней было пройдено,
Будет еще пройдено!!!

Это четверостишие заставляет вспомнить начальное («Сколько домов пройдено...»). Но внешнее сходство лишь

еще резче подчеркивает непримиримый контраст. Отбрасывая старые, «скопидомские» представления, поэт утверждает заново рожденное, радостное чувство родины.

Развитие новых взглядов, принесенных Октябрем, передано не декларативно — оно запечатлено в движении образов, в самой художественной ткани. Вначале жизнь представляется недвижной, неизменной, в небе висят «пуговки звезд и лунная ермолка»; дни «тараторят», как торговка... Но вот над городом поднимается день, «молодой, как заря». Однообразные, похожие друг на друга часы словно срываются с места, летят, «как конница».

Мастерство поэта проявилось и в умении воссоздать тонкие переходы в душевном состоянии героя, передать, если можно так выразиться, интонацию его мыслей: безнадежно примирительное «нет так нет», первая растерянность перед «сотрясеньем твердынь», грозным и неожиданным разворотом революционных событий и — растущее желание шагать «в ногу с тревожным веком».

Казалось, после первых стихов о гражданской войне, после «Повести» перед молодым поэтом открылась ясная и верная дорога. Однако не всегда творческий путь писателя ровен и прямолинеен.

Иосиф Уткин много пишет, в 1927 году выходит его «Первая книга стихов», в большой мере составленная из вещей, созданных уже после «Повести». Читая, видишь, что часто поэту не удается закрепить и развить достигнутое. А в некоторых случаях он делает и шаг назад.

Вот как начинается стихотворение «Атака» (1925):

Красивые, во всем красивом,
Они несли свои тела,
И, дыбя пенистые гривы,
Кусали кони удила...

Сравните его со стихами, отделенными всего лишь одним годом, — «Расстрел», «Налет», «Рассказ солдата».

Внутренняя сосредоточенность, суровая сила поэтического описания уступают место откровенной красивости, любованию импозантной, декоративной внешностью, неумеренному увлечению звуковой игрой.

Порой поэту и вовсе изменяет вкус, художественный такт:

Сковозь смуту житейских вопросов,
Сквозь пышные годы мои
Прошли ароматные косы,
Как две золотые струи...

(«Свидание»)

До чего же далеки эти «пышные» и «ароматные» эпитеты от точных и сдержанных определений прежних стихов.

В произведениях этих лет — середина и вторая половина двадцатых годов — писатель подчас утрачивает, может быть, одну из самых драгоценных своих особенностей: поэтическую цельность. Рядом с облегченно красивыми, почти бутафорски легковесными картинами появляются стихи, полные горечи, растерянности, надрыва.

В «Песне о матери» (1925) речь идет о бойце, который с победой возвращается домой. Орден «пылает» на груди. Но вот мать спрашивает его, не потерял ли он на войне совесть? Сын отвечает: «Семнадцать убил...» И сразу все меняется. Орден уже не «пылает», а «дрожит» на груди. Тоска смотрит на бойца глазами старухи. И нет больше ни радости, ни славы. Все это отдает заповедным «не убий».

Еще более безотрадно звучит стихотворение «Сергею Есенину», в котором Уткин пытается защитить, опоэтизировать «право умереть». По существу он здесь занял позиции,

прямо противоположные тем, которые отстаивал Маяковский в своем поэтическом разговоре с Есениным.

В «Повести о рыжем Мотэле» поэт шел от отделенных друг от друга, живущих каждый своей жизнью, «маленьких заплатанных домиков» — к большому миру, «милой, светлой родине». Теперь же его поэзия подчас обретает черты несвойственной ей ранее камерности, лирической замкнутости. Писатель сужает явления жизни до комнатных масштабов, он как бы «одомашнивает» их. Отсюда — «ветер в мягких туфлях», «арфа телеграфных проводов», «рюмки кипарисов» на «скатерти дорог» и др.

Поэтическое изображение, картина, портрет, образ утрачивают прежнюю четкость, ясность, перспективность, становятся неопределенно расплывчатыми.

Маяковский, внимательно следивший за творческим ростом Уткина, критиковал его за туманные образы, оторванные от живой и реальной почвы. В то же время Маяковский говорил: «первый, купивший книжку Уткина о Мотэле, — я», называл поэму «хорошей вещью». Он стремился выделить здоровое и настоящее в даровании Уткина.

Некоторые критики двадцатых годов встали на другой путь. Они решили перечеркнуть всю поэзию Уткина, объявить писателя нашим идейным противником. То, что было связано с временным кризисом, они старались выдать за сущность творчества. В журнале «Молодая гвардия» за 1929 год появилась статья под грозным заголовком: «Иосиф Уткин как поэт мелкой буржуазии».

Напомним, что в ту пору такого рода вульгарно-социологические ярлыки были в моде. Статья вызвала массу откликов. Судя по обзору писем, опубликованному в журнале, многие не согласились с попыткой, как выразился один читатель, «опрометчиво хоронить молодого поэта».

Еще раньше, в 1928 году, в статье «О пользе грамотности» Горький возражал против прямолинейных обвинений Уткина в «мелкобуржуазном уклоне» (т. XXIV, 324). В одном из писем этого времени из Сорренто он говорит: «Сейчас у меня живут три поэта: Уткин, Жаров, Безыменский. Талантливы. Особенно — первый» (XXX, 72).

Спустя несколько лет, в 1934 году, Николай Островский также спорит против попытки «вычеркнуть И. Уткина из поэзии и водрузить на его «могиле» осиновый кол»[1].

Время показало: правы были те, кто верил в поэта. В тридцатые годы голос Уткина снова обретает силу и уверенность. В 1933 году он завершает поэму «Милое детство», над которой работал несколько лет. Сам поэт затем редко включал ее в свои сборники. Критики отнеслись к ней чересчур сурово. Может быть, поэтому поэма осталась сравнительно мало известной, а сейчас — почти забытой. Вряд ли это справедливо.

Заголовок — «Милое детство» звучит с горькой иронией. Ранние обиды, попреки, окрики, непрерывные торгашеские расчеты взрослых — вот оно, милое детство героя поэмы. А затем — бегство из дома, встреча с красноармейцами, уход на фронт. Судьба мальчика, который впервые начинает жить в боевом отряде, — до этого он просто не видел жизни, — суро́вая школа гражданской войны, друг, который не выдерживает испытаний,— все это показано драматически остро и смело. Правда, несколько неожиданно обрывается сюжет, поэма написана неровно, но есть в ней подлинно поэтические страницы.

Одно из самых сильных произведений Уткина тридцатых

---

[1] Н. Островский, Собр. соч., т. 2, Гослитиздат, М. 1956, стр. 225.

годов — «Комсомольская песня» (1934). Семнадцатилетнего мальчишку из Иркутска избивают прикладами японские офицеры, а он на все вопросы только улыбается — «мол, ничего не понимэ». Начинаясь с описания вражеского застенка, зверского допроса, стихотворение-песня завершается словами, которые как будто обнимают всю родную землю:

И он погиб, судьбу приемля,
Как подобает молодым:
Лицом вперед,
Обнявши землю,
Которой мы не отдадим!

Слова эти слиты с образом несгибаемого «мальчишки». Это — публицистика, не утрачивающая живой образности, лирика, в которой переплелись личные и гражданские чувства.

Так расширяются самые границы понятия «лирика». Характерно название сборника Уткина 1931 года — «Публицистическая лирика». В предисловии к нему автор писал, что понимает под лирикой «непосредственно субъективное высказывание поэта о действительности, то есть отношение его к ней». Не ясно ли, что это более емкое и значительное представление, нежели только «лирика женских волос»?

Обогащается и сама любовная лирика поэта. На смену прежней легковесности, даже некоторой наигранности приходит бóльшая весомость, зрелая углубленность чувств. Писатель рисует разные моменты отношений любящих людей: нежданная, незаметно возникшая в минуты веселья сердечная привязанность («Снегурочка»); взаимное недоверие, разделенность тех, кто еще вчера казался одним существом:

И, усталые, полуживые,
Зубы стиснувши и губы сжав,
Мы с тобой стоим, как часовые
Двух насторожившихся держав.
(«Посвящение»)

И — рассказ о разрыве:

Все взяла.
Любую малость —
Серебро взяла и жесть.
А от сердца... отказалась.
Говорит — другое есть.
(«Сердце»)

Сколько здесь скрытой горечи, и как естественно возникает облик героини — практичной и трезвой женщины. Право же, это стихотворение-шутка значительней, чем многие прежние стихи Уткина о «снеговых лилеях», о «нежности тела», о «снежности черемух».

В стихотворении «Свидание» (1939) писатель смеется над девушкой, которая видит в парне героя, но при этом не замечает самого парня — он как-то растворился, потерялся в тумане ее слепого восхищения. Можно сказать, что в каком-то смысле это стихотворение и самокритично: ведь раньше и сам поэт порой любовался внешней красотой. Теперь он смотрит на это как на нечто пройденное, внутренне преодоленное.

С Великой Отечественной войной начинается новый этап в творческом развитии Иосифа Уткина.

Маяковский сказал: «Можно не писать о войне, но надо писать войною!» Эти слова вспоминаются, когда думаешь о многих произведениях нашей поэзии, появившихся в годы всенародной борьбы против фашизма. Война выступает в

них не только как предмет изображения, она безраздельно завладела сознанием поэта, она проступает даже в тех стихах, которые непосредственно с ней, казалось бы, и не связаны.

Иосиф Уткин создает в эти годы поэтические зарисовки, отражающие личные фронтовые впечатления. Но, пожалуй, полнее и глубже раскрылся его талант в стихах-раздумьях о родине, о русской песне, о женщине России, о любви, которую человек проносит сквозь огонь войны.

Вот небольшое стихотворение 1943 года:

Дни склоняются и меркнут.
Лишь не меркнет боль живая,
Как солдата на поверку,
Юность громко вызывая.

Но в ответ — одно молчанье.
Только сам вздохнешь порою,
Как вздохнет однополчанин
Над могилою героя...

Каждая мысль неизбежно связывается с воинскими картинами и приметами. Читая эти как будто бы только «личные», «интимные» стихи, вы невольно ощущаете грозовую атмосферу тех лет.

Перед лицом героического времени поэт проверяет себя, каждое свое чувство, отрешается от всего мелкого, показного. Любовь возвысилась, стала чище и строже, соединилась с чувством родины:

Только ты мне и будешь любимой,
Только ты да родная земля!

(«Если я не вернусь, дорогая»)

В стихотворении «Михайловское» писатель рисует жизнь Пушкина в ссылке: метет метель, под ее завыванье старушка тихо поет песню, и, «как мальчик, плачет, песню слушая, поэт».

Можно ли назвать случайной дату стихотворения — 1943? Разве не в эти годы каждый с новой остротой ощутил чувство близости к родной земле, ее судьбам, ее прошлому, языку, напевам? Поэт словно настраивает свой стих в тон и в лад старинной русской песне, пушкинским строкам, простым и мелодичным, как песня.

В одном из стихотворений, написанных в дни войны, Уткин писал:

Тяжелое — забудется.
Хорошее — останется.
Что с родиною сбудется,
То и с народом станется.

От первых произведений, от строк о «милой, светлой родине» и до последних, рожденных в пламени войны, поэт пронес чистую и верную любовь к своему времени и своей стране. Были у него и неудачи и срывы. Но о том, что он сделал для советской поэзии, лучше всего сказать его же словами:

Хорошее — останется!

З. ПАПЕРНЫЙ

Стихо-
творения

ПИСЬМО

...Я тебя не ждала сегодня
И старалась забыть любя.
Но пришел бородатый водник
И сказал, что знает тебя.

Он такой же, как ты, лохматый,
И такие же брюки-клеш!
Рассказал, что ты был под
Кронштадтом.
Жив...
Но больше домой не придешь...

Он умолк.
И мы слушали оба,
Как над крышей шумит метель.
Мне тогда показалась гробом
Колькина колыбель...

Я его поняла с полслова,
Гоша,
Милый!..
Молю...

Приезжай...
Я тебя и такого...
И безногого...
Я люблю!

1923

РАССКАЗ СОЛДАТА

Я люблю пережитые были
В зимний вечер близким рассказать...
Далеко, в заснеженной Сибири,
И меня ждала старуха мать.

И ходила часто до порогу
(Это знаю только я один)
Посмотреть на белую дорогу,
Не идет ли к ней бродяга сын.

Только я другой был думой занят.
По тайге дорога шла моя.
И пришли к ней как-то партизаны
И сказали,
Что повешен я.

Вскипятила крепкий чай покорно,
Хоть и чаю пить никто не смог,
И потом надела черный
Старый бабушкин платок.

А под утро, валенки надвинув,
В час, когда желтеет мгла,
К офицерскому ушла овину —
И овин, должно быть, подожгла.

Отпевать ее не стала церковь.
Поп сказал:
«Ей не бывать в раю».
Шомполами в штабе офицерском
Запороли мать мою!..

Вот когда война пройдет маленько
И действительную отслужу,
Я в Сибирь,
В родную деревеньку,
Непременно к матери схожу.

1924

РАССТРЕЛ

И просто так —
Без дальних слов —
Как будто был и не был...
За частоколами штыков
Так тяжело смотреть на небо...

И не борись...
И не зови...
И жизнь была не сладкой...
Как в лихорадке — грузовик,
И я — как в лихорадке.

Для волка сердце — ничего.
А много ли зверюге надо?
И с полушубка моего
Солдат весь путь
Не сводит взгляда.

Могу и душу подарить —
Вон там за следующей горкой...
. . . .

«Товарищ, дай-ка закурить...»
«Последняя махорка...»

Колдобный дуб на что велик,
А в бурелом — соломке ровня,
Как аллигатор, грузовик
Улегся у каменоломни.

И офицер спросил:
«Готов?»
Я сосчитал штыки невольно.
Зачем им дюжина штыков?
И одного вполне довольно...

Потухли, ухнув, фонари!..
Жара... Во рту прогоркло.
«Т-т-т-оварищ... дай-ка закурить».
«Подохнешь без махорки...»

1924

НАЛЕТ

До курных хат — недалеко,
И кони ладно пропотели.
Буран косматым кулаком
Мотал и ежил ели.

И брал на грудь буранный гул
Сосняк глухой и древний.
И псом испуганным в снегу
Корежилась деревня.

Полковник вырос над лукой:
«Закладывай патроны!»
И каждый скованной рукой
Тугой курок потрогал.

И застонал оконный звон!
Обезумевший вдрызг,
Всю ночь казачий конный взвод
Дырявил шкуры изб.

И никогда, как в тот восход,
Под розовевшим небом
У проруби багровый лед
Таким багровым не был...

Нагайка кинула коня.
Буран — опять напевней...
На дыбе дымного огня
Шаталася деревня...

1924

МОЛОДЕЖИ

Нас годы научили мудро
Смотреть в поток
До глубины,
И в наших юношеских кудрях
До срока —
Снежность седины.

Мы выросли,
Но жар не тает,
Бунтарский жар
В нас не ослаб!
Мы выросли,
Как вырастает
Идущий к пристани корабль.

1925

СУНГАРИЙСКИЙ ДРУГ

Тревожен век.
И мне пришлось скитаться.
И четко в памяти моей
Глаза печального китайца
В подковах сомкнутых бровей.

Мы верим тем,
Кто выверен в печалях;
Я потому его и помню так,
Что подружились мы
И повстречались
За чашей круговых атак.

Да,
Никогда нам так не породниться,
Как под единым знаменем идей!
И в ногу шли:
Китаец желтолицый
И бледнолицый иудей.

Года летят,
Как зябкие синицы,
Как снег,

Как дымное кольцо,
И мне теперь почти что снится
Его раскосое лицо.

Года летят,
Как зябкие синицы,
Как конь летит из-под плетей!..
И мне теперь,
Пожалуй, только снится
Восторг атак на родине моей...

Мой друг живет на дальнем берегу,
На дальней Сунгари —
И это неизбежно,—
Но для него я строго берегу
Мою приятельскую нежность.

Я не скажу ему:
«Сюда, мой друг, скорей!»
Я не скажу,
Прекрасно понимая,
Что родину и матерей
Никто и никогда не забывает!

Но если крикнут боевые птицы
У сунгарийских грустных пустырей,
Сомкнутся вновь —
Китаец желтолицый
И бледнолицый иудей.

1925

ВЕТЕР

Старый дом мой —
Просто рухлядь.
Все тревожит —
Каждый писк.
Слышу, ветер в мягких туфлях
Тронул старческий карниз.

Как влюбленный, аккуратен
Милый друг!
К исходу дня,
В мягких туфлях и в халате,
Он бывает у меня.

Верен ветер дружбе давней.
Но всегда в его приход
Постоит у дряхлых ставней
И, вздыхая,
Повернет.

Я не знаю, чем он мучим,
Только вижу:
Все смелей
Он слоняется, задумчив,
Длинной хитростью аллей.

И когда он, чуть печален,
Распахнулся на ходу,
То поспешно зашептались
Сучья с листьями в саду...

Я опутал шею шарфом,
Вышел... он уже готов!
Он настраивает арфу
Телеграфных проводов...

1925

ОКТЯБРЬ

Наш старый дом, что мог он ждать?
Что видел он, мой терем дивный?
Покой снегов,
Тоску дождя,
Побои бешеного ливня.

И думалося — будут дуть
Печаль и ветер бесконечно
В его березовую грудь,
В его развинченную печку.

Но этот день
Совсем иной,
Еще невиданный доныне,
Он сделал осень нам — весной
И холод сделал нам теплынью!

В сыром углу,
Сырой стеной —
Где только мыши были прежде,
Величественно предо мной
Прошли возможные надежды.

И в этот день
Больная мать
Впервые, кажется, забыла
Чужих и близких проклинать,
Чужим и нам
Просить могилы.

Наш старый дом,
Что мог он ждать?
Что видел он,
Мой терем дивный?
Покой снегов,
Тоску дождя,
Побои бешеного ливня.

В перчатках счастье — не берут.
Закрытым ртом — не пообедать.
Был путь мой строг,
Был путь мой крут,
И тяжела была победа.

Но в прошлом рытвины преград.
И слышал я,
Соседки ныне
Моей старушке говорят
Об умном и хорошем сыне.

1925

ГОСТЕПРИИМСТВО

Мы любим дом,
Где любят нас.
Пускай он сыр, пускай он душен.
Но лишь бы теплое радушье
Цвело в окне хозяйских глаз.

И по любой мудреной карте
Мы этот странный дом найдем —
Где длинный чай,
Где робкий фартук,
Где равно — в декабре и в марте —
Встречают
Солнечным лицом!

1925

ЗАКАТ

Солнце — ниже,
Небо — ниже,
Розовеет дальний край.
Милый друг, присядь поближе,
Хватит хмури —
Поболтай.

В этом гвалте,
В этом шуме
Нам трудненько уберечь
Плодовитое раздумье,
Вразумительную речь.

И нередко гром пророчил
Надо мной
И над тобой,
Но испытанные очи
Нам завещаны борьбой.

И простится, что испугом
Как-то нас брала беда.
Что ж, и лучшая подруга
Ведь лукавит иногда...

Все равно —
Закат ли розов,
Или чернь ночных одежд —
Все равно —
Кипят березы
Побеждающих надежд!

Мы до копаной постели
Сохраним свое лицо,
Если мы с борьбой надели
Обручальное кольцо...

Солнце — ниже,
Небо — ниже,
Тих разлив второй зари,
Милый друг, — еще поближе.
К сердцу ближе.
Говори.

1925

КАНЦЕЛЯРИСТКА

А. Хребтовой

Где хитрых ног смиренное движенье,
Где шум и дым,
Где дым и шум,—
Она сидит печальным отраженьем
Своих высокопарных дум.

Глаза расширились, раскинулись,
И реже
Смыкается у голубых границ
Задумчивое побережье
Чуть-чуть прикрашенных ресниц.

Она глядит, она глядит в окно,
Где тает небо голубое.
И вдруг...
Зеленое сукно
Ударило морским прибоем!..

И люди видеть не могли,
Как над столом ее, по водам,
Величественно протекли
И корабли
И небосводы.

И как менялась бирюза
В глазах глубоких и печальных,
Пока... не заглянул в глаза
Суровый и сухой начальник...

Я знаю помыслы твои
И то,
Насколько сердцу тяжко,—
Хоть прыгают, как воробьи,
По счетам черные костяшки.

1925

АТАКА

Красивые, во всем красивом,
Они несли свои тела,
И, дыбя пенистые гривы,
Кусали кони удила.
Еще заря не шла на убыль
И розов был разлив лучей,
И, как заря,
Пылали трубы,
Обняв веселых трубачей.

А впереди,
Как лебедь, тонкий,
Как лебедь, гибкий не в пример, —
На пенящемся арабчонке
Скакал безусый офицер.

И на закат,
На зыбь,
На нивы
Волна звенящая текла..,

Красивые, во всем красивом,
Они несли свои тела.

А там, где даль,
Где дубы дремлют,
Стволами разложили медь
Другую любящие землю,
Иную славящие смерть...

Он не был, кажется, испуган,
И ничего он не сказал,
Когда за поворотным кругом
Увидел дым, услышал залп.
Когда, качнувшись к лапам дуба,
Окрасив золотистый кант,—
Такой на редкость белозубый,—
Упал передний музыкант.

И только там, в каменоломне,
Он крикнул:
«Ма-а-арш!» —
И побледнел...
Быть может, в этот миг он вспомнил
Всех тех,
Кого забыть хотел.
И кони резко взяли с места,
И снова спутали сердца
Бравурность нежного оркестра
И взвизги хлесткого свинца...

И, как вчера,
Опять синели выси,

И звезды падали
Опять во всех концах,
И только зря
Без марок ждали писем
Старушки в крошечных чепцах.

1925

БАЛЛАДА О МЕЧАХ И ХЛЕБЕ

За синим морем — корабли,
За синим морем — много неба.
И есть земля
И нет земли,
И есть хлеба
И нету хлеба.
В тяжелых лапах короля
Зажаты небо и земля.

За синим морем — день свежей.
Но холод жгут,
Но тушат жары
Вершины светлых этажей,
Долины солнечных бульваров.
Да горе в том, что там и тут
Одни богатые живут.

У нас — особая земля.
И все у нас — особо как-то!
Мы раз под осень — короля
Спустили любоваться шахтой.

И к черту!
Вместе с королем
Спустили весь наследный дом.

За синим морем — короли.
Туман еще за синим морем.
И к нам приходят корабли
Учиться расправляться с горем.
Привет!
Мы рады научить
Для нужных битв мечи точить!

1926

СЕРГЕЮ ЕСЕНИНУ

Красивым, синеглазым
Не просто умирать.
. . . .
Он пел, любил проказы,
Стихи, село и мать...

Нам всем дана отчизна,
И право жить и петь,
И кроме права жизни —
И право — умереть.

Но отданные силой
Нагану и петле,
Храним мы верность милой,
Оставленной земле.

Я видел, как в атаках
Глотали под конец
Бесстрашные вояки
Трагический свинец.

Они ли не рубили
Бездарную судьбу?
Они ли не любили
И землю
И борьбу?..

Когда бросают женщин,
Лукавых, но родных,
То любят их не меньше
И уходя от них.

Есть ужас бездорожья.
И в нем — конец коню!
И я тебя, Сережа,
Ни капли не виню.

Бунтующий и шалый,
Ты выкипел до дна.
Кому нужны бокалы,
Бокалы без вина?..

Кипит, цветет отчизна,
Но ты не можешь петь,
А кроме права жизни,
Есть право умереть.

1926

ГИТАРА

А. Жарову

Не этой песней старой
Растоптанного дня,
Интимная гитара,
Ты трогаешь меня.

В смертельные покосы
Я нежил, строг и юн,
Серебряную косу
Волнующихся струн.

Сквозь боевые бури
Пронес я за собой
И женскую фигуру
Гитары дорогой!

Всегда смотрю с любовью
И с нежностью всегда
На политые кровью,
На бранные года.

Мне за былую муку
Покой теперь хорош.
(Простреленную руку
Сильнее бережешь!)

...Над степью плодоносной
Закат всегда богат,
И бронзовые сосны
Пылают на закат...

Ни сена! И ни хлеба!
И фляги все — до дон!
Под изумрудным небом
Томится эскадрон...

...Что пуля? Пуля — дура.
А пуле смерть — сестра.
И сотник белокурый
Склонился у костра.

И вот, что самый юный
(Ему на песню — дар!),
Берет за грудь певунью
Безусый комиссар.

И в грустном эскадроне,
Как от зеленых рек,
Повыпрямились кони
И вырос человек!

...Короткие кварталы —
Летучие года!
И многого не стало,
Простилось навсегда.

Теперь веселым скопом
Не спеть нам, дорогой.
Одни —
Под Перекопом,
Другие—
Под Ургой.

Но стань я самым старым,—
Взглянув через плечо,
Военную гитару
Я вспомню горячо.

Сейчас она забыта.
Она ушла в века.
От конского копыта,
От шашки казака.

Но если вновь, бушуя,
Придет пора зари,—
Любимая,
Прошу я —
Гитару подари!

1926

СТИХИ КРАСИВОЙ ЖЕНЩИНЕ

Приподнимет
Гордо морду,
Гордо стянет
Профиль птичий...
Сколько стоит
Ваша гордость?
Цену — вашему величью?..

Так идет.
Ей очень грустно
(От утрат, видать, печали!).
Не твоим ли пышным
Бюстом
Перекоп мы защищали?..

Счастлив я,
Что этим годам
Отдал все —
И смех
И грусть,
И с любимым небосводом
Преждевременно прощусь.

Это — капли,
Это — крохи,
Если взять наш век премудрый.
Что же дали вы эпохе,
Живописная лахудра?

Разве — это
Ищут люди?
Разве — это
Людям надо?
То кокетничает
Грудью,
То кокетничает
Задом.

Если вам уж неизвестно,
Разрешите, я замечу,
Что совсем в другое место
Спрятан разум человечий...

*

Опадет черемух снежность,
Опадет и вновь родится.
К нам же молодость и нежность
Никогда не возвратится.

К нам всегда приходит мудрость
Через белые равнины.
Опадут,
Отпляшут кудри,
Зацветут седины.

И как в бешеном стакане,
Память вздрогнет
И запляшет...
Чем же вас тогда поманит
Дорогая прошлость ваша?..

Я не знаю лучше участь,
Голубей не вижу свода:
Умереть, борясь и мучась,
Умереть в такие годы.

И меня в суровой ломке
Лишь одно страшит немало,
Как бы гордой незнакомкой
Жизнь меня не миновала.

Все! —
И нежность песнопенья —
Все! —
И даже нежность тела —
Для железного цветенья,
Для единственного дела...

А тебе, как влага туче,
Красота дана природой.
На костер ее!
Чтоб лучше
Освещалася свобода.

Женской нежностью томима,
Не богатых,
Не красивых,

Назови твоим любимым
Воина трудолюбивых!

Не поймешь —
И будет худо.
Жизнь идет, а годы скачут,
И смотри, тебя забудут,
Как красивую собачку...

1926

СТИХИ О ДРУЖБЕ

Я думаю чаще и чаще,
Что нет ничего без границ.
Что скроет усатая чаща
Улыбки приятельских лиц,

Расчетливость сменит беспечность,
И вместо тоски о былом
Мы, встретясь,
Былую сердечность
Мальчишеством назовем.

Быть может,
Рассудочной стужей
Не тронем безусых путей.

Быть может,
Мы будем не хуже
И все-таки будем не те...

Вот девушку любим и нежим,
А станет жена или мать —
Мы будем все реже и реже
Любимой ее называть...

1926

ПЕСНЯ РЫБАКА

В тополях пылает осень...
И ко мне издалека
Ветер тянет
И доносит
Песню рыбака.

Ты поешь, рыбак, понурясь.
Чем же плакать,
Лучше петь
Про безжалостные бури,
Про ограбленную сеть...

На Ай-Петри,
Ветром схвачен,
Снег ложится серебрясь.
Эти песни,
Не иначе,
Только песни сентября.

А весной
Взойдут баштаны,

И, по-прежнему любя,
Загорелая Татьяна
Снова выйдет
До тебя.

Снова будут неизменны —
Только время побороть —
И серебряная пена,
И сатиновая водь.

И опять
Ты будешь весел
И восторженно опять
Распахнешь объятья весел
На сверкающую гладь.

В тополях пылает осень...
И ко мне издалека
Ветер тянет
И доносит
Песню рыбака.

1926

НОЧНОЙ РУЧЕЙ

Вот он!
Слушайте и пейте.
Вот он!
Чей-то и ничей.
Как серебряная флейта,
Лег в песчанике ручей.

Он течет
        и балагурит.
А на нем,
        ясна, чиста,
Золотой клавиатурой
Отразилась высота.

Я застыл благоговейно,
Очарован высотой,
Надо мною
        муравейник,
Муравейник золотой!

Вот где чаянья сбылися:
Ничего у пыльных ног,
Только рюмки кипарисов
Узкой скатертью дорог.

И еще,
Под шалью яркой,
Да еще,
В тиши и тьме,
Чернобровая татарка,
Синеглазая Этьме.

Счастлив я
И беззаботен!
Но и счастье
И покой
Я, ей-богу, заработал
Этой раненой рукой.

Да,
Я прожил, не играя,
Все я знал:
И плоть и кровь.
Спой же песню, дорогая,
Про счастливую любовь!

Хлынет синяя улыбка,
Захлестнет веселый рот,
И серебряная рыбка
Между губ ее мелькнет.

Мне бы надо осторожней,
Я запутался, ей-ей,
В этом черном бездорожье
Удивительных бровей.

Эти
    чертовские веки.
Этот
    чертов синий цвет!

Но в каком, скажите, веке
Был рассудочным поэт?

1926

СВИДАНИЕ

И ночь эта
Будет богатой,
И я
Улыбнуться не прочь —
Уж бронзовый якорь заката
Бросает московская ночь.

Мне ветер
Приятельски машет,
И, путаясь и пыля,
Как зелием полные чаши,
Шипят
И кипят
Тополя.

Привет,
Замечательный вечер!
Прощай,
Мой печальный порог!
Я вышел.
А ветер — навстречу
И лег по-собачьи у ног...

* * *

Когда — собеседник небрежный —
К нам радость заглянет на миг,
Мы лучшие мысли и нежность
Сливаем в девический лик.
И в этот закат не случайно
Мне машут радушным крылом
Медлительная окрайна
И мирный садовничий дом.

О молодость,
Где бы я ни был,
О юность,
Зимой и весной
Со мною —
Бубновое небо,
И плотская нежность —
Со мной!

Сквозь смуту житейских вопросов,
Сквозь пышные годы мои
Прошли ароматные косы,
Как две золотые струи.

И, может быть, в годы железа
И я быть железным сумел,
Чтоб в лад боевой марсельезы
Мне девичий голос гремел.

Как рад я,
Что к мирным равнинам

Так выдержанно пронес
И мужество гражданина,
И лирику женских волос...

* * *

Над крышей садовника — дрема,
И дремлет садовник давно,
Сугробы пахучих черемух
Совсем завалили окно.

Я скромностью не обижен
И, встав на чужое крыльцо,
За снегом черемухи
Вижу
Смеющееся лицо.

Но чуток холера-садовник,
Хоть видно и без труда,
Как дышит и мирно и ровно
Седая его борода...

Пусть молодость — нараспашку,
Но даже и молодость — ждет.
Я жду.
По знакомству, дворняжка
Меня в ожиданье займет.

Я жду и теперь, как когда-то.
Но только прошу:

«Не про-срочь!
Ты видишь —
Уж якорь заката
Бросает московская ночь».

1926

СВАТОВСТВО

Наташе

Абрис подмалеванного рта;
Рот как рот... И несмотря на это,
Где-то здесь граница и черта
Счастья одинокого поэта!

Но попробуй доказать родне,
Прошибая пошлости и сплетни,
Что лежит судьба твоя на дне
Этих ямочек двадцатилетних.

Бесполезны всякие слова,
Если в безоружного поэта
Подлая, столетняя молва
Направляет дула пистолетов!

Так вот не какой-нибудь юнец
Бьет тебя уверенно и метко,
Рикошетом бьет тебя свинец
Коронованных литературных предков.

Глупая, наивная родня.
А поди и докажи им словом,
Что, пожалуй, Пушкин из меня,
Как из Наташи...
Гончарова,

Им до оправданий дела нет —
Как их ни умасливай, ни жалуй,
Не согласны. Все-таки поэт!
Ну, а тут они правы, пожалуй!..

1926

ТЕЛЕФОН

Радостный, больной и сонный
Узнаю твой голос сразу;
Говорят, я Эдисону
Этой радостью обязан.

Говорят, одна креолка
Из каких-то Южных Штатов
Неожиданно умолкла...
И понятно, вот тогда-то

Эдисон, больной и сонный,
Говорить заставил провод...

Я, признаться, Эдисону
Приписал любовный повод.

Ты простишь мне эту шалость
И мое желанье,
чтобы
Все великое свершалось
Для любви, а не для злобы...

1926

ДЕВУШКЕ

Ни глупой радости,
Ни грусти многодумной,

И песням ласковым,
Хорошая, не верь.

И в тихой старости,
И в молодости шумной
Всегда всего сильней
Нетерпеливый зверь.

Я признаюсь...
От совести не скрыться:
Сомненьям брошенный,
Как раненый, верчусь.
Я признаюсь:
В нас больше любопытства,
Чем настоящих и хороших чувств.

И песни пел,
И в пламенные чащи
Всегда душевное носил в груди!

И быть хотел
Простым и настоящим,
Какие будут
Только впереди.

Да, впереди...
Теперь я между теми,
Которые живут и любят
Без труда.
Должно быть, это время —
Жестокие и нужные года!

1926

ДВАДЦАТЫЙ

Через
Речную спину,
Через
Лучистый плес
Чугунной паутиной
Повис тяжелый мост.

По краю —
Тишь до ивы,
Для отдыха — добро!
А низом — прихотливо
Речное серебро.

На тишь,
На побережье
Качает паровик...
«Я, милая, приезжий,
Я в отпуск,
Фронтовик...»

Сады родные машут!
Здесь молодость текла,
И золотые чаши
Подняли купола.

Привет вам, отчьи веси!
С победой
И весной!..
Но что-то ты невесел,
Мой город дорогой.

Дома тихи
И строги.
И не слыхать ребят,
И куры на дороге,
Как прежде, не пылят.

И яблони бескровны,
И тяжелы шаги,
И на соседских бревнах
Служивый... без ноги.

Да, ничего на свете
Так, запросто, не взять,—
Когда родятся дети,
Исходит кровью мать!

Но вот
И наши сени.
Но вот
И милый кров,

Где первые
Сомненья,
Где первая любовь.

И в этом
Все, как прежде,—
И сад,
И тишь,
И крик:
«Я, бабушка,
Приезжий,
Я в отпуск,
Фронтовик».

И, взгляд последний бросив,
Старуха обмерла:
«Иосиф. Ах, Иосиф!
Я так тебя
Ждала!»

И я в объятьях стыну...
«Иосиф, это ты?!»
. . . .
Чугунной паутиной
Качаются мосты.

И мчатся эшелоны
Солдат,
Солдат,
Солдат!
Тифозные перроны
Под сапогом хрустят.

По бедрам
Бьются фляги.
Ремень, наган — правей.
И синие овраги
Под зарослью бровей.
В брони,
В крови,
В заплатах —
Вперед,
Вперед,
Вперед! —
Страдал и шел
Двадцатый,
Неповторимый год!!!

1927

БАРАБАНЩИК

Е. Зозуле

Шел с улыбкой белозубой
Барабанщик молодой...

Пляшут кони,
Льются трубы
Светлой медною водой.

В такт коням,
Вздувая вены,
Трубачи гремят кадриль,
И ложатся хлопья пены
На порхающую пыль.

Целый день идут солдаты.
Грязь и молодость в лице.
И смеется в ус хвостатый
Ресторатор на крыльце...

Всех их бой перекалечит.
И тогда
Тоска и страх

Высоко поднимут плечи
На костлявых костылях.
«Братья,—
Нежности... и пищи!
Нежность, счастья... и воды...»
И пройдут в лохмотьях хищных
Исступленные ряды.

И опять с лицом паяца,
С той же сытостью в лице,
Будет в ус себе смеяться
Ресторатор на крыльце...

Барабанщик,
Где же кудри?
Где же песня и кадриль?

К Эрзеруму
Скачут курды,
Пляшут кони,
Дышит пыль...

1927

ПЕСНЯ

На Карпатах,
На Карпатах,
Под австрийский
Свист и вой,
Потерял казак папаху
Вместе с русой головой.

Задремавший подорожьем
Ветер дрогнул,
И с полей
Он пошел зеленой дрожью
По букетам тополей.

Он подался до Кубани,
День ли,
Два ли протекло—
Он добрался до Кубани,
Свистнул в желтое стекло.

В хате девка молодая,
Позабыв про хоровод,

На бубнового
гадает,
На червового кладет.

Или девке это снится?
Вышла девка —
Ни души.
Тишь,
И лунные лисицы
Шнырят по двору в тиши.

И смекнула молодая:
Этот посвист
Не к добру,
И стоит она, рыдает
На порхающем ветру...

...И гремим,
И протестуем,
И терзаем
Мы любя.
Эту песенку простую
Написал я
Для тебя.

В ней, наивной
И напевной,
Много доброго тепла.
Чтобы более душевной
Ты, любимая, была.

Нам,
Прошедшим зной и снежность,
Нам,
Вдыхавшим пыль и дым,—
Нам нужны
Друзья и нежность
Много больше, чем другим.

1927

СОМНЕНЬЕ

Ты прости, что, временем пустая,
Жизнь моя
Варначества полна:
Это я
За молодость хватаюсь,
Как за берег
Глупая волна...

Трудная и голубая
Мне страна мерещится во мгле...
Надо жить,
Трудясь и рассыпая
Жемчуг смеха
По большой земле.

Чтоб в зубах кинжальной белой стали
Заливались хищные лучи,
Чтоб на яблонях,
Качаясь, хохотали
Черные
Глазастые грачи.

Чтобы сразу
Таяла усталость,
Становилось сразу веселей,
Если вдруг
Подруга засмеялась
Над охапкой снеговых лилей.

И когда мечтательный соратник
Опускает голову порой,
Я в глаза ему:
«Красавец, голубятню,
Голубятню синюю открой».

Мир хорош
Солеными руками...
Не беда, что мужеству челна
Африканскими белками
Угрожает
Черная
Волна.

Трудная и голубая,
Посмотри,
Страна плывет во мгле...
Надо жить, трудясь
И рассыпая
Жемчуг смеха
По большой земле.

Смейся, милый,
Умоляю, смейся,
Ни к чему трагическая тишь.

Говорят,
что никаким злодейством
Старый мир не удивишь.

И без нас зажгут огни акаций,
И без нас весной
Пройдет вода...
В чем угодно —
буду сомневаться.
В революции,
товарищ,—
никогда.

1928

ПОСЛЕДНЕЕ ПИСЬМО

Нет, что-то есть такое выше
Разлук
И холода в руке!
Вы снились мне,
И вас я слышал
На лазаретном тюфяке.

И это вас,
Когда потухло,
Я у груди пронес назад,
Как девочка больную куклу,
Как руку
Раненый солдат...

Вы на далеком повороте,
Ни враг,
Ни друг
И не родня...
Но нет,
Но нет, вы не уйдете...
Вы не уйдете
От меня!

Нет,
Даже предаваясь плоти
С другим —
Вы слышите: с другим! —
Вы нежность вашу
Назовете
Библейским именем моим.

И это выше,
Выше, выше
Разлук
И холода в руке!
Вы снились мне...
И вас я слышал
На лазаретном тюфяке.

Мне и теперь
Былое, право,
Переболеть не удалось.
И надо мною
Ваша слава
Густых
Тропических волос.

И я,
Как в милом сновиденье,
Все принимаю, без границ,
Все...
Даже узкое презренье
Полуприщуренных ресниц.

1928

ЗИМА

Средь седых
И старящих,
Сводящих с ума,
И моя,
Товарищи,
Тащится зима.

Постучится палочкой,
Сядет у стола:
«Ну-с, Иосиф Павлович,
Вот и я
Пришла...»

Я склонюсь,
Задумавшись,
А вокруг, звеня,
Девушки
И юноши
Окружат меня.

Не кряхтя,
Не ахая,
Не зная забот,
А играя сахаром
Молодых зубов!..

Но, шапчонку комкая,
Старый гражданин,
Я перед потомками
Не склоню седин.

Бьет
В кремлевском знамени
Алая струя.
Это — кровь!

И в пламени
Капля есть
Моя...

Средь седых
И старящих,
Сводящих с ума,
И моя,
Товарищи,
Тащится зима.

Постучится палочкой,
Сядет у стола:
«Ну-с, Иосиф Павлович,
Вот и я
Пришла».

1928

ПО ДОРОГЕ ДОМОЙ

Рязанец[1] прорвется:
«А ну, давай!»
И снова
Ни форм,
Ни лиц.
И рельсы
Бросаются под трамвай
С настойчивостью
Самоубийц.

И снова
Диктаторской рукой
Паккарды, Рено, людей
Проводит,
Ведет конвейер Тверской
К побоищам площадей.

Попробуй прорвать
Этот чертов мост,

---

[1] Рязанец — лоточник, торговец фруктами.

Встать ему поперек!
И черная дума,
Как черный пес,
Путается у ног...

«...Наивен лирический
Твой шалаш
Среди небоскребов,
Поэт.
Напишешь фруктовую песню,
Продашь:
Прорвался — и снова нет.

И глупо.
Не стоит писать.
Для чего
Расходовать кипы сил?
Чтоб люди сказали:
«Да, ничего...»
А девушка:
«Ах, как мил!»

Эпоха желает
Огонь, и желчь,
И мужество до конца,
Чтобы жечь, понимаешь,
Глаголом жечь,
Как Пушкин сказал, — сердца!..»

На Староваганьковском —
Русский сад...
На липах под медь — броня,

Над садом крикливо
Лоскутья висят
Московского воронья.

Среди индустрии:
«Вороний грай».
И «Машенька»
И фасад,
И вот он —
Гремит гумелевский трамвай
В Зоологический сад.

Но я не хочу
Экзотических стран,
Жирафов и чудных трав!
Эпоха права:
И подъемный кран —
Огромный чугунный жираф.

Эпоха права!
И мне хочется встать
Эпохе во фланг
И рост...
Для этого стоит
И жить,
И писать...
И нянчить туберкулез.

1929

О ЮНОСТИ

Мне говорят:
Мол, мы не дышим маем,
Мол, юности расцветок не берем.
Ах, чудаки!
Они не понимают:
Мы юношествовали с Октябрем.
Быть современником
Огромной славы: Ленин,
Включать в артерии
его
высокий ток!
Кто был моложе нас?
Какое поколенье?
Когда, скажите?
Кто?

Мне говорят:
Учитесь трелям Фета,
Льют соловьи,
Грохочет водоем;
Ах, чудаки,
Друзьям, как эстафету,

Мы, умирая,
Песнь передаем.
И эта песнь простреленной, пропетой,
Как кольт,
Как молоток, в работе под рукой.
Какой, скажите мне,
Из всех поэтов
Был больше нас поэт?
Скажите мне,
Какой?

Мне говорят:
История с колена
Вам метит в грудь...
Враг жив... не позабудь...
Ах, чудаки!
Все наше поколенье
Над баррикадами поднять готово
грудь.

Нас и не грел
Камин благополучья,
В сибирских рудниках
Нас шлепал адмирал.
Но рабский страх
Нас никогда не мучил.
И никогда
Осмысленней и лучше
Никто еще
Не жил,
Не умирал!..

1930

ПРОБЛЕМА ХЛЕБОПШЕНА

Потушена лампа.
Свеча зажжена.
И плачет дите,
И скулит жена:
«На рынке нет пшена».

Я утром встаю.
И опять жена
Одной катастрофой поражена:
«На рынке нет пшена».
Тогда на меня
Из трех углов
Нисходит триада голов.
Мундиром сияя,
Крестом звеня,
Империя прет
На меня.

Сначала
Я чувствую
Адскую боль —

Мне Чичиков
Жмет мозоль.

Потом,
Гомерически скаля зуб,
Спешивается Скалозуб.
И третьим:
Столыпинская труба
Расхваливает отруба,
И трое согнулись:
«У нас
Для вас
Стоит православный квас».

И трое смеются:
«Жена?
Извольте мешок пшена».

Тогда я, срываясь,
Ору в упор:
«Жена, до каких это пор?
Когда это кончится, жена,
Проблема хлебопшена?
Ты думаешь, что же,—
Я позабыл,
Кем Чичиков этот был?

И как это
Нижнему чину
В зуб
Въезжал полковой Скалозуб?
А кем

Этот самый
Столыпин был,
Ты думаешь,
Я позабыл?
Не будет Республика —
Это чушь —
Республикой мертвых душ!
И к пуле Багрова
В моей стране
Прибавить нечего мне.
«Страна не поднимет
Трехцветный позор!» —
Кричу я жене
В упор.
Мы хлопаем дверью.
Разрешена
Проблема хлебопшена.

...Товарищи, дома
У всех жена,
И каждому
С нею жить,
И каждому надо
Проблему пшена,
Товарищи, разрешить.
Давайте же скажем жене и стране:
«Домашности — в стороне.
Пшеном мы питаем
Плавильную печь.
И если не хватит пшена,
Мы сами готовы
Горючим лечь

В плавильную печь, жена!»
А личность, домашности —
В стороне —
Давайте скажем стране.

1931

КРЕСТЬЯНИН

Какой анекдот нехороший
Недавно случился со мной:
Купил я у цыгана лошадь
И еду спокойно домой.

Навстречу — крестьянин в азяме.
Увидел меня на коне —
Увидел, захлопал глазами,
«Грабитель!» — кричит. И — ко мне.

«Товарищ, я спорить не стану,
Хотя у меня и наган.
Возможно, товарищ крестьянин,
Тебя и ограбил цыган,

Но я, говорю, на толкучке
Купил у цыгана коня —
И, кроме казенной получки,
Забрал он гармонь у меня.

Но что мне гармонь и червонцы!
Другое подумай, отец:
Какой из меня, эскадронца,
Без лошади, к черту, боец?»

...Крестьянин подумал немного,
Потом поглядел на меня.
Ударил по крупу коня
И дальше подался дорогой.

1931

СОЛЬ

С чистым весом
Слезы филигранной,
В сапогах,
Целиком, как вы есть,
На оптовый язык
Килограммов
Всё стараются
Вас перевесть.

А попробуй
Такую нагрузку
Примерять на кило
И на пуд,—
Так, пожалуй, под это
На Курском
Бесконечный состав подадут...

Я хотел бы,
Пока еще розов
Утром парусник,
Как-нибудь встав,

Для сердечных своих перевозок
Попросить
До Батума состав.

Мне мой труд
Не особенно сладок:
Как там песню
Стихом ни глуши,
Остается соленый осадок
Где-то
В водорослях души.

И хотелось бы,
Вычеркнув версты,
Стильным брасом волны голубой
Всю
Соленую эту разверстку
Опрокинуть
В батумский прибой.

Что для моря
Масштабов безгранных,
В этой общей
Соленой связи,
Два каких-то
Лирических грана
Сквозь стихи проступившей слезы?

Мелочиться
Ему не пристало.
А с такого, глядишь, пустяка,

Формируясь,
Сверкают кристаллы
Просоленного вдосталь стиха!

...Ты глядишь
С укоризной, товарищ?
Современник
И автор побед,
Уверяю,
Без соли
Не сваришь
Ни один стихотворный обед.

Так пускай,
Разгораясь, не тухнет,
Сколь бы ни были
Судьи строги,
Эта чудная,
Синяя кухня
Шторма,
Соли
И честной строки!

1932

ИЗ ОКНА ВАГОНА

Ветер с дымом вперемешку...
И мелькает целый день,
Как военный в перебежке,
Россыпь русских деревень.
Знаменитая Россия! —
Топоры да темный сруб...
Но стоят, как часовые,
Городские меты труб.

...По старинке, скверно сшитый,
Я бы сам от мук своих
Встал под верную защиту
Этих рослых часовых!

Я не раз терял равненье,
Умирал не раз в тиши
От смертельного раненья
В область сердца и души!
Но пройдет...
Я успокоюсь...
Так последний раз меня
Выноси, курьерский поезд,
Из-под этого огня!

1933

ПОЧТА

Далеко мы с тобою
И близко,
И не ближе семейных границ.
Потому так растет переписка
Долгих взглядов
И длинных ресниц.

Но работает
Очень не точно
И трагически для двоих
Эта
Слишком воздушная
                    почта
Поцелуев и вздохов твоих.

Мне неясен
Начальник усатый...
Как ты
Глаз от меня
Ни таи,
Я боюсь,
Не найдут адресата
Эти милые письма мои...

Слишком дорого стоит общенье
И невыгодно наконец
Неналаженное сообщенье
Двух
По сути обычных
Сердец!

Я уверен,
Когда мы покроем
Всю страну
Распорядком торца, —
Вдвое,
Может быть, даже и втрое
Будут ближе друг к другу
Сердца.

Но пока...
Отвечайте скорее!
Я с депешей
К наркому стучусь:
«Что мне делать,
Товарищ Андреев,
С этим транспортом
Экстренных чувств?..

Я готов
Хоть на пушкинских дрогах!..
Но бровей ее темных темней,
Далека,
Бесконечна дорога
Занесенных разлукой путей».

1933

ПЕСЕНКА

Подари мне
    на прощанье
Пару
    милых пустяков:
Папирос хороших,
    чайник,
Томик
    пушкинских стихов...

Жизнь
    армейца
        не балует,
Что ты там ни говори!..
Я б хотел
        и поцелуи
Захватить,
    как сухари.

Может,
    очень заскучаю,
Так вот было бы
    в пути

И приятно
вместо чаю
Губы теплые
найти.

Или свалит
смерть
под дубом...
Все равно приятно,
чтоб
Отогрели
твои губы
Холодеющий
мой лоб.

Подари...
авось случайно
Пощадят еще
в бою,
Я тогда
тебе
и чайник
И любовь
верну
свою!

1933

БОЙ

По отряду ходит бой
В докторском халате.
«Ваня, милый, что с тобой?!»
«И меня... ребята!»

И военный с бородой
Парню руку гладит:
«Это самый молодой
Был в моем отряде...»

Но отряд на слово — скуп.
Слева наступают.
Пулемету зуб на зуб
Аж не попадает!

Слева —
 Бешеный огонь.
Справа, —
Грохнув оземь,
Падает убитый конь
В полковом обозе.

Бой идет —
Земля дрожит!
Пулеметы строчат...
На снегу один лежит
Мертвый пулеметчик.

Посмотрю...
И спасу нет —
До чего же молод!..

И над ним пятнадцать лет
Отливает красный цвет —
Знамя: серп да молот.

1933

МЫ С ТОБОЙ

Мы с тобой
На открытой платформе
Под убийственным встали огнем.
Так давай, современник,
По форме
И по совести
Грудь застегнем.

Так давай, сотоварищ,
В обтяжку
Подтяни гимнастерку свою,
Не годится,
Душа нараспашку,
Рядовому болтаться в строю!

Если все-таки
Будет неловко
И неладно
В солдатской груди,
Ты тогда поднимись

И винтовку
По врагу разряди,
Разряди!

Табака при себе
Не имея,
Ты, смотри,
Не закуривай с ним...
Не всегда я
Такое умею,
Не всегда я
Бываю таким!

Забывая пароль
И уставы,
Непременные в деле таком,
Я нередко
У самой заставы
Толковал и курил
С земляком.

Вы дурную чувствительность эту
Не усваивайте,
Друзья!
То, что можно, пожалуй,
Поэту,
То бойцу
Ни в какую нельзя...

Отгремят,
Успокоятся бури,
Отдымит
И рассеется чад.

Вот тогда
И споем,
И покурим,
И обнимем знакомых девчат.

1933

КОМСОМОЛЬСКАЯ ПЕСНЯ

Мальчишку шлепнули в Иркутске.
Ему семнадцать лет всего.
Как жемчуга на чистом блюдце,
Блестели зубы
У него.

Над ним неделю измывался
Японский офицер в тюрьме,
А он все время улыбался:
Мол, ничего «не понимэ».

К нему водили мать из дому.
Водили раз,
Водили пять.
А он: «Мы вовсе незнакомы!..»
И улыбается опять.

Ему японская «микада»
Грозит, кричит: «Признайся
сам!..»
И били мальчика прикладом
По знаменитым жемчугам.

Но комсомольцы
На допросе
Не трусят
И не говорят!
Недаром красный орден носят
Они пятнадцать лет подряд.

...Когда смолкает город сонный
И на дела выходит вор,
В одной рубашке и в кальсонах
Его ввели в тюремный двор.

Но коммунисты
На расстреле
Не опускают в землю глаз!
Недаром люди песни пели
И детям говорят про нас.

И он погиб, судьбу приемля.
Как подобает молодым:
Лицом вперед,
Обнявши землю,
Которой мы не отдадим!

1934

ОТКРОВЕННОСТЬ

Ты устала, дорогая.
Триста с лишним дней в году!
Дни труда...
И ты в трамвае
Задремала на ходу.

Крепко сомкнуты ресницы,
Брови подняты дугой.
Кто тебе сегодня снится,
Мой товарищ дорогой?

Это, может быть, красавец
По лицу
И по уму.
Я деталей не касаюсь...
Но завидую ему.

Я себя последней спицей
Не считаю. Нет!
И мне

Тоже бы хотелось сниться
Многим девушкам
В стране.

Но тебе,
С которой вместе
Общим делом
Я живу,
Для которой столько песен
Написал я
Наяву,
Мне б особенно хотелось
Передать во сне привет.

Это, верно... мягкотелость?
Что ж поделаешь...
поэт!

1934

ЖЕНИХИ

Мама в комнате не спит.
Папа в комнате сопит.
И у мамы
И у папы
Недовольный явно вид.

Дочь приветствует в прихожей
Двадцати примерно лет,
На Онегина похожий,
В сапогах казенной кожи,
Бедный, видите ль, поэт!

А за городом, в усадьбе —
Как богат, хотя и сед, —
В сорока верстах от свадьбы
Славный вдовствует сосед.

И у мамы —
Грустный вид.
И у папы —
Грустный вид.

Мама в комнате не спит.
Папа в комнате сопит.
И у мамы
И у папы
Явно недовольный вид.

...Дорогая, дай усесться,
Дай мне место поскорей.
Возле... где-нибудь... у сердца,
Рядом с нежностью твоей.
Да не бойся, сделай милость...
Ты взгляни на старый быт:
Мать легла и притворилась,
Что не видит
И что спит.

И никто нас не попросит
Не тушить с тобой огня.
И никто теперь не спросит,
Сколько денег у меня.

Сколько денег,
Сколько душ?
Сколько яблонь,
Сколько груш?
Кто богаче: ты ли, я ли —
И другую ерунду.

А соседа расстреляли
В девятнадцатом году!

1934

РАЗЛУКА

Разлука уносит любовь...

Кукольник

Ветер. Листья облетели.
И уже недели две
Серебристый шар метели
Куролесит по Москве.

Но пускай заносит зданья
Вьюга, снег... Ты не грусти.
Все равно путей свиданья
Никому не занести.

И недолгими снегами
Ты была разлучена.
Жизнь стояла между нами,
Как Китайская стена.

Но в степи дорожной пыли
И в пыли людской молвы
Мы с тобой не позабыли
Климат любящей Москвы.

Ну, так дай скорее руки!..
Видишь: жизнью снесена,
Сметена стена разлуки,
Как Китайская стена.

1934

КАССИР

Тосе

На вокзале хмуро... сыро...
Подойти сейчас к кассиру
И сказать без всякой фальши:
«Дайте мне билет подальше.
Понимаете... мне худо...»
А кассир: «Билет?.. Докуда?

До какого то есть места?»
«Неизвестно!»
«Не-из-вест-но?
А в каком, простите, классе?»

Пригибаюсь к самой кассе:
«Хоть на крыше, хоть в вагоне!..
Пусть в огонь!
Но только пусть
Этот поезд не догонит
Ни моя любовь,
Ни грусть...»

1935

ПЕСНЯ ОБ УБИТОМ КОМИССАРЕ

Близко города Тамбова,
Недалеко от села,
Комиссара молодого
Пуля-дура подсекла.

Он склонялся,
Он склонялся,
Падал медленно к сосне
И кому-то улыбался
Тихо-тихо, как во сне.

Умирая в лазарете,
Он сказал:
«Ребята... Тут
Есть портрет... Елизавета —
Эту девушку зовут.

Красным гарусом расшитый —
Вот он, шелковый кисет!
Ну, так вы ей... напишите,
Что меня...
в помине нет...»

Мы над ним
Не проронили
Ни единого словца.
Мы его похоронили
Честь по чести, как бойца.
Но тамбовской ночью темной,
Уцелевшие в бою,
Мы задумались,
И вспомнил
Каждый девушку свою...

1935

ПРОВОКАТОР

Н. Асееву

На углу Поплавской
Господин живет:
Борода — коляской,
Колесом — живот.

Кто такой — не знаю,
Он не говорит, —
У него пивная
Под названьем «Крит».

Музыка... и целый,
Целый день подряд
В «Крите» офицеры
За столом сидят.

Пиво и горошек
В ресторане «Крит»!
Господин хороший
Что-то говорит.

«Сорок первый номер...
Только поскорей...
В этом самом доме —
Комиссар еврей...»

Застучит калитка...
Через пять минут
На смерть и на пытку
Парня проведут.

Проведут за город
По дороге той,
По которой скоро
Мы придем домой!

...На углу Поплавской
Я сойду с коня.
«Будь, братишка, ласков,
Подожди меня».

Пиво и горошек
В ресторане «Крит»...
Господин хороший
За столом сидит.

«Сорок первый номер...
Ну-ка, господин,
В этом самом доме
Кто живет один?»

Посинеют жилы
У него на лбу.

«Раньше двое жили,
Да один... в гробу!»

...Три минуты время
И от силы — пять;
Подтяну я стремя,
Сяду я опять.

Пиво и горошек
Прямо — на полу...
Господин хороший
Прикорнул к столу!

1935

СЕРДЦЕ

Ничего не пощадили —
Ни хорошее, ни хлам.
Все, что было, разделили,
Разломали пополам.

Отдал книги,
Отдал полки...
Не оставил ничего!
Даже мелкие осколки
Отдал сердца своего.

Все взяла.
Любую малость —
Серебро взяла и жесть.
А от сердца... отказалась.
Говорит — другое есть.

1935

ФИЛОСОФСКОЕ

Мы с тобою станем старше.
Загрустим. Начнем седеть.
На прудах на Патриарших
Не придется нам сидеть.

Потолчем водицу в ступе,
Надоест, глядишь, толочь —
Потеснимся и уступим
Молодым скамью и ночь.

И усядется другая
На скамью твою, глядишь...

Но пока что, дорогая,
Ты, по-моему, сидишь?

И, насколько мне известно,
Я! — не кто-нибудь другой —
Занимаю рядом место
С этой самой дорогой.

Так пока блестит водица
И не занята скамья,
Помоги мне убедиться
В том, что эта ночь — моя!

1935

ЛЫЖНИ

Вы уедете, я знаю,
За ночь снег опять пройдет.
Лыжня синяя, лесная
Постепенно пропадет.

Я опять пойду средь просек,
Как бывало в эти дни.
Лесорубы, верно, спросят:
«Что ж вы, Павлович, одни?..»

Как мне гражданам ответить?
О себе не говорю!
Я сошлюсь на сильный ветер
И, пожалуй, закурю.

Ну, а мне-то...
Ну, а мне-то?..
Ветра нет... ведь это ж факт...
Некурящему поэту
Успокоить сердце как?

Или так и надо ближним,
Так и надо без следа,
Как идущим накрест лыжням,
Расходиться навсегда?..

1935

ТИПИЧНЫЙ СЛУЧАЙ

Двое тихо говорили,
Расставались и корили:
«Ты такая...»
«Ты такой!..»
«Ты плохая...»
«Ты плохой!..»
«Уезжаю в Ленинград... Как я рада!»
«Как я рад!!»

Дело было на вокзале.
Дело было этим летом.
Все решили. Все сказали.
Были куплены билеты.

Паровоз в дыму по пояс
Бил копытом на пути:
Голубой курьерский поезд
Вот-вот думал отойти.

«Уезжаю в Ленинград... Как я рада!»
«Как я рад!!»

Н о   к о г д а...
Чудак в фуражке
Поднял маленький флажок,
Паровоз пустил барашки,
Семафор огонь зажег...

Н о   к о г д а...
Двенадцать двадцать
Бьет звонок. Один. Другой.
Н а д о   б ы л о   р а с с т а в а т ь с я...
«До-ро-гая!»
«До-ро-гой...»

«Я такая!»
«Я такой!»
«Я плохая!»
«Я плохой!»
«Я не еду в Ленинград... как я рада!»
«Как я рад!!»

1935

ЛЮБОВНАЯ-ГОВОРНАЯ

Глупым недугом разлуки
Добрым людям сводит руки.

Наплодили Люды... Лиды...
Людоеды — инвалидов!

Очень больно, очень грустно,
Что любовь, как говорят,
Только лишняя нагрузка
Для трудящихся ребят.

Бродит Ваня по аллее:
«Что с тобою?» — «Я болею...»
А расспросишь инвалида,
Выясняется, что... Лида!

...Полюбить меня готовясь,
Ты люби меня на совесть.
Ты люби на самом деле,
Чтоб глаза мои блестели!

То ли дело... то ли ласка!
То ли служба... то ли дом!
Надоела неувязка
Между лаской и трудом!

Ты люби меня не вздорно.
Ты люби сто лет подряд!
Ты люби, чтоб крепла норма
У меня и у ребят!!

Люди встретят, люди спросят:
«Как работаем, Иосиф?
Как живется? Ничего?..»

Поведет Иосиф усом:
«Как живется? На пять с плюсом.
Я влюблен. Работа — во!»

1935

ПЕСНЯ О ПАСТУШКЕ

Возле моста, возле речки
Две березки, три овечки.

На селе кричит петух,
У реки сидит пастух.

Возле моста, у реки
Проходили казаки,

Услыхали петуха,
Увидали пастуха.
Есаул навеселе:
«Сколько красных на селе?»

Пастушок ломает прутик,
Головой белесой крутит.

Казаки навеселе:
«Подсчитаем на селе!»

Поскакали... а пастух
Снял порты да в воду — бух!

На селе смеются бабы,
А пастух, задами — к штабу.

Поспевает, слава богу,
Комиссар кричит тревогу...

Коммунисты к пулеметам,
А казаки-то наметом!

Наступают... отступают...
Пулемет чубы считает!

Насчитал без мала до ста —
Остальные к речке, к мосту.

Кто мостом, а кто и вброд,
...А пастух назад плывет.

Вылезает из реки,
А у моста казаки.

Увидали: «Ты откуда?
Говори... то будет худо!»

Пастушок: «В реке купался,
Мне, кубыть, таймень попался».

Казаки: «Какой таймень?!
Сучий сын... скидай ремень!!»

...Возле моста, возле речки
Две березки, три овечки.

На селе кричит петух...
На ремне висит пастух.

1936

АЗОРСКАЯ ПЕСНЯ

Где-то на Азорских островах
Девушки поют чудну́ю песню.
В тихих и бесхитростных словах
Вымысел скрывается чудесный.

Девушки бровями поведут.
Головы нерусские наклонят, —
И по океану
вброд
идут
Ярые буденновские кони.

Ленты боевые на груди,
Куртки знаменитые из кожи.
Конница идет!
А впереди
Парень — на азорских не похожий.

Тонкий и кудрявый, как лоза,
Гибкий, как лиана, и высокий.

У него
Хорошие глаза
С южной украинской поволокой.

Для него
Платки девчаты ткут,
Юноши идут к нему брататься.
От него,
Как от огня, бегут
Толстые смотрители плантаций!

...Не могу я песню позабыть!
По Москве хожу как сумасшедший.
Я хотел бы
                парнем этим быть,
В песню иностранную вошедшим.

Много я бы мог перетерпеть:
Тропики, контузию, осколок,
Только б о себе заставить петь
Молодых азорских комсомолок.

Думаю, в бою, не на словах,
Многое друзья мои терпели, —
Чтобы на Азорских островах
Девушки по-комсомольски пели.

1936

КОНДРАТИЙ РЫЛЕЕВ

...За тяжкий труд моих страданий
Вознагражден и я, поэт,
Не шубой славы стародавней
С царевых плеч... Не чином. Нет!

Но тем, что все мои печали,
Мужавшие день ото дня,
Народной болью прозвучали!
И тем — что слушает меня

Народ на площади морозной,
Не утирая слез с лица,
Как слушали еще при Грозном
На Красной площади слепца.

1936

ЛЮБОВНАЯ ШУТОЧНАЯ

Не дивимся, если хлопец
Ходит с дивчиной за тын.
А дивимся, если хлопец
Ходит по двору один.

Мы таких сейчас к ответу —
Хоть в каком он будь чину (!).
«Есть супруга или нету?
Если нет, то почему?»

Побалакаем. Расспросим.
Вызовем. Поговорим.
Не согласен? Перебросим
На работу
В Крым.

Пусть попробует на юге,
Где сама земля как печь,
От воды
                и от супруги
Хлопец сердце уберечь!

...Не дивимся, если дядя
Ходит с дивчиной за тын,
А боимся, если дядя
Долго ходит холостым.

Мы таких сейчас к ответу:
«Почему и отчего
Промышляете
и нету,
Дядя,
саду своего?»

Побалакаем. Расспросим.
Вызовем. Поговорим.
Не согласен? Перебросим
на работу,
Но... в Нарым.

Пусть на Севере далеком,
Где снегов белеет гладь,
Где, насколько хватит око,
Человека не видать,

Где медведь идет по следу,
Где и птице негде сесть,
Пусть попробует к соседу
В сад супружеский залезть!

1936

ПРОИСШЕСТВИЕ

Вот какое дело было:
В доме девушка жила.
Уходила, приходила
И однажды не пришла.

Утром в теплую погоду
На реке, у сточных труб,
Перевозчики Освода
Под мостом поймали труп.

Увидали, изловили,
Заявили в комсомол.
Изловили, заявили,
Написали протокол.

Из Казани, из Рязани
Мать приехала и брат.
Посидели, поглядели
И уехали назад.

Две без малого недели
Волновался целый дом:
Как, мол, так на самом деле?!
Не смогли!.. Недоглядели!..
Волновались две недели —
Да и кончили на том.

А теперь повестки в суд,
Понимаете, несут.
Говорят, что по закону,
Незнакомый и знакомый —
Все ответственность несут...

1936

СТАРАЯ ПЕСЕНКА

Было, доктор, правда, было
Сердце, полное огня.
Было, доктор, да и сплыло.
Нету сердца у меня!

Доктор, выслушайте, сверьтесь,
Помогите... буду рад.
Разве, доктор, станет сердце
Так стучаться невпопад?

Люди — люди не поверят.
Не поверят?.. Ну и пусть.
Это я к любимой в двери
На Остоженке стучусь.

Ни ответа, ни привета...
Вот уже четыре дня
Отвечают: «Нету», «Нету!..»
Нету сердца у меня!

1936

МАРУСЯ

Маруся, Маруся, зеленые очи,
Родная сибирская кровь!
Как вспомню, так вздрогну,
так память грохочет
Огнем партизанских боев.

...Гремят батареи, гудят переправы,
Строчит пулемет, как швея.
Винтовка, и лошадь, да звезды, а справа,
Маруся, кожанка твоя!

Мы близкие люди, мы дети предместий,
И ты говоришь мне сквозь гром:
«Мы вместе играли, мы выросли вместе
И вместе, наверно, умрем».

А враг не сдается. А пуля не дремлет,
Строчит пулемет, как швея!
И ты покачнулась, и тихо на землю
Упала кожанка твоя!

Я помню тот вечер, я знаю то место,
Где грустно сказала она:
«...Мы вместе играли, мы выросли вместе,
Но я умираю одна».

Маруся! Маруся, зеленые очи,
Родная сибирская кровь!
Как вспомню, так вздрогну,
так память грохочет
Огнем партизанских боев.

1937

ПОЭТУ

Нелепая эта идея —
На возраст коситься в стихах,
Писать: угасаю... седею...
И ох, дорогая, и ах!

Напротив: седин не касаясь,
Тверди, не жалея труда:
«Я молод, — тверди. — Я красавец.
Я юн... и еще хоть куда!»

Пускай в это верится слабо.
Ты все-таки цели достиг:
Не выйдет любовь... то хотя бы
Получится радостный стих...

1937

ПАМЯТЬ

Снега нет в полях тоскливых,
И опять, уйдя с полей,
Память роется в архивах
Пожелтевших тополей.

Кто просил тебя и нанял,
Ногтем по сердцу скребя,
Грустный труд воспоминаний
Взять сегодня на себя?

Да и что еще осталось
На съедение зиме?
Листьев ржавая усталость
С тяготением к земле?

Или, слитая с листвою,
Слез наигранных слюда?
Это все уже не стоит
Ни страданий, ни труда...

Первый снег... — и с первым снегом
Наступающей зимы
Под глухим ее ночлегом
Это все уснет...
И мы,
Мы, наверно, с базы ближней
Подадимся снова в путь,
С первым снегом, — первой лыжней
Накрест все перечеркнуть...

1937

РАЗГОВОР

Два товарища хороших
Вдоль по улице брели,
Два товарища хороших
Разговор такой вели:

«Я, — сказал, который старше, —
Не загадываю впредь,
Но хотел бы с песней, с маршем
За свободу умереть!

Если мне судьба свалиться, —
Так уж лучше за Мадрид,
За испанскую столицу», —
Первый парень говорит.

А другой глядел на небо,
Где сквозили синь и медь.
И сказал другой:
«А мне бы...
Не хотелось умереть.

Ни на шаг не отступая,
И при жизни я могу
Быть героем,
                    уступая
Смерть и музыку врагу».

1937

ЗАВЕЩАНЬЕ

Как посмотришь иногда... не скоро ж
Люди станут искренни и про́сты!
Почему влюбленных гонит сторож,
Гонит с кладбища? Не понимаю просто!

Проступает в надмогильных кленах
Жизнь, которой под землею тесно;
Чем же это место для влюбленных
И неподходяще и не место?

Не согласен с глупыми вещами!
Как противник косности и гнили,
Я оставлю вместо завещанья
Вот какую надпись на могиле:

«Если ты не вор и не громила,
Если ты влюблен и счастлив с другом,
Приходи сюда! Моя могила,
Гражданин, к твоим услугам...»

1937

ПРИЗНАКИ ВЕСНЫ

И. Д. Папанину

Был снег, и тем не менее
Синица на сосне
Обменивалась мнениями
С другими о весне.

Но, видимо, на ясене
Вопросы не ясны:
Возникли разногласия
По поводу весны.

Все утро, как на диспуте,
Перекликался лес.
И даже дятел выступил,
Когда в дупло залез!

А люди, — ну, не глупо ли! —
Все доводы проспав,
Гадали под тулупами,
Кто в этом споре прав.

И только школьник маленький
Хотя и был он мал, —
Не надевая валенки,
Синицу понимал.

Повел глазами добрыми
И согласился: «Да,
Весна. И, значит, вовремя
Братки
Ушли
Со льда».

1938

ДОЖДЬ В ДЕТСКОМ САДУ

Смолкла птица... Сникла ветка.
И срывается с гвоздя
Металлическая клетка
Полосатого дождя.

И не дождь совсем, а мушки
На фонарь хотят присесть!
И не мушки, а к кормушке
Приглашают куриц есть!

Нет, не просо! И не птицы
Пробегают через сад:
Это спицы, просто спицы
Мокрым садом колесят!

Или — знаю: это льется
И не дождь, а — провода.
И по ним передается
Очень срочная вода!

Ну, тогда мы непременно
Все узнаем перемены!
«Соберите молодежь!
Интересно, что за новость
Сообщает детям дождь?»

Точка... точка, запятая...
Ну, конечно... так и есть!
Из Мадрида и Китая
Телеграммы детям есть.

«Дорогие, — пишут, — детки,
Не-пре-мен-но победим!»

...Дождь прошел. На мокрой ветке
Пар колеблется, как дым.

1938

НА БЕРЕГУ ВОЛГИ

Хороша, любима повсеместно
Песня про Степана-казака!
Но одно в ней есть плохое место,
Волга-матушка река.

Но с одним я в песне не согласен —
Ох, уж этот разиновский пыл! —
Некрасиво в этой песне Разин
С бедной персианкой поступил.

Разойдись — никто с тебя не спросит,
Уплыви с другими на войну,
Но бросать... да и не просто бросить,
А ведь в набежавшую волну?!

Если это факт, а не поклепы, —
Стыдно за Степана-казака.
Не люблю, когда красавиц топят,
Волга-матушка река!

На меня напраслину возводят.
Напустили кумушки туман,
Будто я с супругой не в разводе,
А в известном роде... атаман.

Все моя поганая осанка!
Нет уж, если песня сложена,
Я-то в этой песне... перисианка,
Атаманом, собственно, жена.

Говорю по правде (без тумана),
Очень многим женам, может быть,
Хочется супругой-атаманом,
Волга-матушка, побыть.

А попробуй на такую моду
Кто-нибудь благословенье дать, —
Так, пожалуй, в веденье Освода
Надо будет загсы передать!

Потому, кого бы ни спроси вы,
Если он об этом не забыл, —
Всякий скажет: «Очень некрасиво
Разин с персианкой поступил!»

1938

ОХОТА НА УТОК

Тиха легавая, как мышь,
Крадется... Пиль! Но кряки чутки —
И, криком огласив камыш,
Обидев суку, смылись утки.

А я, по правде, рад за них,
Я рад тому, что птицы смылись:
Простая радость за родных
И за своих однофамилиц.

Меня и брали на прицел,
И поднимали стойкой сучьей,
И если я остался цел,
То это лишь счастливый случай.

Нет, мне охоты не постичь.
Стрелять учиться слишком поздно!
Не убивать я создан дичь,
А птицам радоваться создан.

И пусть, хозяина кляня,
Мой пес глядит печально в воду.
Что ж критика... она меня
Не понимала сроду.

Зато все утро, как-никак,
Хотя они давно и смылись,
Я слышу благодарный кряк
Моих живых однофамилиц...

1938

ПЕСНЯ О МЛАДШЕМ БРАТЕ

На каштановой головке
Нежный локон теребя,
Он спросил: «Наган с винтовкой?..
Это много для тебя».

Я сказал: «Не стоит, Вася.
Мать стара. Пускай один
Остается. Оставайся
Для родительских седин».

У садовой у калитки
Мы простились кое-как.
Слезы тонкие, как нитки,
Намотал он на кулак.

И сказал: «Ступай, Володя...»
Он взглянул,
И с того дня
Восемнадцать лет не сводит
Этот мальчик глаз с меня.

Эту тоненькую ветку,
Эту слабенькую грудь
Вся японская разведка
Не могла никак согнуть!

На тюремной на кровати,
Губы, руки искусав,
Умер он,
О старшем брате
Ничего не рассказав...

1938

НАРОДНАЯ ПЕСНЯ

«Ну-ка, двери отвори:
Кто стоит там у двери?»
«Это нищий, Аннушка».

«Дай краюху старику
Да ступай-ка на реку:
Кто там стонет,
Будто тонет?»
«Это лебедь, Аннушка».

«Ну, так выйди за плетень:
Почему такая тень?!»
«Это ружья, Аннушка».

«Ну, так выйди за ворота,
Расспроси, какая рота:
Кто? Какого, мол, полка?
Не хотят ли молока?»
«Не пойду я, Аннушка!

Это белые идут,
Это красного ведут,
Это... муж твой, Аннушка...»

1939

НА ФОЛЬВАРКЕ

«Пан вы старый или паныч,
Ехать в гости глядя на ночь?!
Посудите трошки:

Шляхом — танки, в пуще — пал [1],
Лошадь встала — пан пропал...»
«Цыц, ты... хлоп! У князя — бал.
Ставь кобылу в дрожки!»

«Воля пана... Я могу;
Только где достать дугу:
Без дуги не можно...»

«Брешешь... бисов ты слуга, —
Нет дуги... а вот дуга!»
«За́раз, пан вельможный.

Есть дуга... а где же кнут?..
За́раз, пан, я тут как тут:
Кнут возьму в конюшне.

---

[1] Пал — лесной пожар.

Лезьте в дрожки...»
        Пан залез.
Ночь. Темно. Пылает лес.
        Торопиться нужно.

Вожжи взял. Да где же кнут?
«Хлоп, скоре-е-е!» — «Пан, я т-у-у-ут...»
«Где ты есть?»
«Да вот я!..»

Пан — за кнут. И видит вдруг:
Кто-то лошадь, как гайдук,
        Держит за поводья.

«Матка бозка!.. Кто вы есть?!»
Командир: «Имею честь... —
        И, к фуражке звездной

Руку вежливо подняв,
Говорит: — Пан... хлопец прав,
        В гости ехать поздно».

1939

ТРОЙКА

> Тройка мчится,
> Тройка скачет...
>
> *П. Вяземский*

Мчится тройка, скачет тройка,
Колокольчик под дугой
Разговаривает бойко.
Светит месяц молодой.

В кошеве широкой тесно;
Как на свадьбе, топоча,
Размахнулась, ходит песня
От плеча и до плеча!

Гармонист и запевала
Держит песню на ремне,
Эта песня побывала
И в станице и в Кремле.

Ветер по снегу елозит:
Закружит — и следу нет,
Но глубокие полозья
Оставляют в сердце след.

Как он близок, как понятен,
Как народ к нему привык,
Звонких песен, ярких пятен
Выразительный язык!

Мчится тройка, смех игривый
По обочинам меча.
Пламенеет в конских гривах
Яркий праздник кумача.

Кто навстречу, волк ли, камень,
Что косится, как дурной,
Половецкими белками
Чистокровный коренной?

Нет, не время нынче волку!
И, не тронув свежий наст,
Волк уходит втихомолку,
Русской песни сторонясь.

А она летит, лихая,
В белоснежные края,
Замирая, затихая,
Будто молодость моя...

1939

СВИДАНИЕ

Осеннего поля
Покой нелюдимый,
Герой над рекою
Гуляет с любимой.

Впервые опять
После долгой разлуки
Увидел он Волги
Родные излуки.

И солнце на касках
Пустых колоколен
Увидел опять он!
И парень доволен.

О, как тосковал он
Об этом порою!..
Как помнил, родная!..
Но только героя

Родная в нем видит.
«Скорей говорите:
Вы к нам из Мадрида?
Вы были в Мадриде?»

«Герой Теруэля...
Как это прекрасно!»
Но он не согласен:
Ну, это уж басни.

Он был как и все,
Как другие бывают:
В разлуке не пуля —
Тоска убивает.

А он тосковал...
И парень краснеет.
Но разве румянец —
Оружие с нею!

«Вы к нам из столицы?
Вы были в столице?
И вас принимали
Известные лица?

Ну, что вы молчите?!»
И, скромно потупясь,
Он вдруг признается:
«Ах, это все глупость!

Да, был. Принимали...»
Но и в столице
В одно дорогое
Сливались все лица.

Герой, говорите...
Но даже в сраженье
Он видел ее лишь!
«Вы слыщите, Женя?..»

Но где там... Не слышит!
Подернулось око
Каким-то туманом.
И где-то далеко
Парит ее взгляд,
Далеко за горою...

Ах, что ей до парня?
Ей надо героя!

1939

ВЕТЕР

Одинокий, затравленный зверь, —
Как и я, вероятно, небритый, —
Он стучится то в окна, то в дверь,
Умоляя людей: «Отвори-и-те...»

Но семейные наглухо спят.
Только я, не скрывая зевоты,
Вылезаю к товарищу в сад,
Открываю окно: «Ну, чего ты?..»

Что поделаешь... ветру под стать,
У семейных считаясь уродом,
Не могу, понимаете, спать,
Если рядом страдает природа!..

1939

ПОСВЯЩЕНИЕ

Трудно нам с тобой договориться,
Трудно, милая, трудней всего:
Резко обозначена граница
Счастья твоего и моего.

И, усталые, полуживые,
Зубы стиснувши и губы сжав,
Мы с тобой стоим, как часовые
Двух насторожившихся держав.

1939

ТОВАРИЩИ

У мастера дочки
Похожи, как точки,

И обе блондинки,
И обе в кудряшках;
Мне нравится младшая,
Старшая — Яшке.

Мне нравится Вера,
Товарищу — Варя.
Мы ходим по скверу,
Сидим на бульваре.

Спускаемся к лодкам,
Катаемся в лодке.
И так протекает
Вечер короткий.

Пора расходиться.
«Всего... до свиданья».

Мы молча плетемся
Вдвоем со свиданья

По улицам сонным
Вдоль сонных заборов,
И тут начинаются
Старые споры:

«Какая красивей?»
«Какая умнее?»
...Ни он и ни я —
Мы хитрить не умеем!

«По-моему, Варя».
«По-моему, Вера».
Товарищ бледнеет,
Я делаюсь серым.

Мы оба, насупясь,
Глядим друг на друга,
Но я... обнимаю
Влюбленного друга:

«Ну, ладно...
Довольно глядеть исподлобья:
Они интересные девушки
Обе,

И умницы — обе,
И очень похожи!»
...На нас с изумленьем
Смотрит прохожий.

А мы и не видим.
Для нас не в новинку,
Поспорив, обняться
И топать в обнимку.

1939

СИБИРСКИЕ ПЕСНИ

1

Ночь темна.
Крепки засовы.
Стережет тюрьму Чека.
Ходит песня часового
Мимо окон Колчака:

«Близко города Тамбова,
Недалеко от села,
Одного, потом другого
Мать братишек родила,

Вместе ели,
Вместе спали,
Вместе маяли беду!
Да... второго расстреляли
В девятнадцатом году.

Я сегодня вспомню, Вася,
Как ты пел
И умирал...

— С добрым утром...
Одевайся...
Собирайся, адмирал!»

Ночь темна.
Крепки засовы.
Стережет тюрьму Чека.
Ходят песни часового
Мимо окон Колчака.

2

У тюрьмы, за Ушаковкой,
Часовой стоит с винтовкой.

«Как тебе не стыдно, парень,
Партизана сторожить?
Что ты — шкура или барин,
На чужое ловкий жить?

Ты крестьянин,
Я крестьянин.
Вместе ляжем,
Вместе встанем.
Ты — косить,
И я — косить.
Ты не евши —
Я не сыт!

Одного с тобой мы кругу,
Заодно бы нам и жить.

Не пристало нам друг друга
Темной ночью сторожить...»

Часовой глядит печально,
Слезы льются по усам...
«Не могу... убьет начальник...
Служба, парень, знаешь сам».
«Плюнь на службу, часовой!
Ты, я вижу, парень свой...

Нам рукой подать до дому:
У меня в лесу отряд...
Партизану молодому
Каждый кустик будет рад!»

...У тюрьмы, за Ушаковкой,
Часовой пропал с винтовкой!

А за городом Иркутском
Темный лес кричит совой...
Тихо по лесу крадутся
Арестант и часовой.

1934—1940

БРАТСКАЯ МОГИЛА

И хоть бесчувственному телу
Равно повсюду истлевать...

А. Пушкин

Славлю смерть у сопки Заозерной.
Ну, а я? Неужто — не в бою?
И не в братскую сойду могилу,
а позорно
На отлете где-нибудь сгнию?

Понимаю, что не в этом дело.
Знаю с малых лет, что все равно,
Так сказать, бесчувственному телу
Истлевать повсюду. Знаю... Но...

Если посудить да разобраться,
Нелегко, товарищи, тому,
Кто боролся на земле за братство,
Под землей остаться одному...

1940

СНЕГУРОЧКА

Любовь моя, снегурочка,
Не стоит горевать!
Ну, что ты плачешь, дурочка,
Что надо умирать?

Умри, умри, не жалуясь...
Играя и шутя,
Тебя лепило, балуясь,
Такое же дитя.

Лепило и не думало,
Что не веселый смех, —
Живую душу вдунуло
Оно в холодный снег!

И что, когда откружится
Безумный этот вихрь,
Останется лишь лужица
От радостей твоих...

1940

КУКЛА

Не удивляться... что за чушь! —
На свете и не то бывает.
Природу взять: зеленый плющ
Холодный мрамор обвивает.

С чего бы зелени, кажись,
Виясь из пустоты расселин,
На эту куклу тратить жизнь!
Но не любовь ли эта зелень?

Любовь. Вот так и я ползу.
Вот так и мы плющом упрямым
Ползем, в зеленую лозу
Холодный одевая мрамор.

Ползем — и счастливы! И лишь
Не могут люди надивиться:
На куклу тратят жизнь?! Нашли ж
Вокруг кого плющом обвиться!..

1940

УТРО

Сквозь морозные ресницы
Утро смотрит на синицу.

На синицу, на березу,
Драгоценную с мороза.

На меня и на поселок
Лесорубов невеселых.

На поселок, где с рассвета
Ни души, должно быть, нету.

Наконец, глядит на гору
От меня верстах в пяти.

И на лыжню, по которой
Так вот молодо и скоро
Я б хотел всю жизнь идти!

1940

ОДНОЙ БОРЬБЕ, ЕДИНОЙ ЦЕЛИ...

Одной борьбе, единой цели
Подчинены мы до конца.
И мы на фронт и тыл не делим
Свои советские сердца.

Профессий мирных больше нету!
Винтовкой, молотом, пером,
Как дело общее, победу
На плечи общие берем...

Учись! Работай! Куй! Печатай!
Чтоб и на фронте мирных дел,
Как в битве, никакой пощады
Враг беспощадный не имел!!

1941

НАРОДНЫЕ ПРИМЕТЫ

«Если бьет себя по бедрам
И вовсю петух горланит,
Это что же, бабка, к вёдру?»
«Непременно к вёдру, Ваня».

«Ну, а если, как от боли,
До утра собака выла,
Это, бабка, к смерти, что ли?»
«Непременно к смерти,
милый».

«То-то, бабка, под Москвою
И поет петух, поди, нам!
То-то выл с такой тоскою
Пес немецкий под Берлином».

1941

БЕЖЕНЦЫ

Вся жизнь на маленьком возке!
Плетутся медленные дроги
По нескончаемой тоске
В закат уткнувшейся дороги.

Воловий стон и плач колес.
Но не могу людей обидеть:
Я не заметил горьких слез,
Мешающих дорогу видеть.

Нет, стиснув зубы, сжавши рот,
Назло и горю и обидам,
Они упрямо шли вперед
С таким невозмутимым видом,

Как будто, издали горя,
Еще не видимая многим,
Ждала их светлая заря,
А не закат в конце дороги.

1941

СОВЕТСКОЙ ЖЕНЩИНЕ

Делили радости и беды,
Теперь опять делиться нам,
Опять нелегкий труд победы,
Как хлеб, мы делим пополам.

Опять в шинели и в кожанке,
Как в дни, когда мы брали власть,
На голос родины: «Гражданка!» —
Ты всей душой отозвалась.

Опять, знакомая до боли —
Товарищ, женщина и мать,
Ты, как на бой, выходишь в поле
Плоды бессмертья пожинать.

Спокоен взгляд, уверен голос,
И можно знать уже вперед,
Что ни один созревший колос
От наших дел не пропадет,

Что эти руки не устанут,
Как в поле рожь, косить врага,
Пока в родных полях не встанут
Победы тучные стога.

1941

ПОЛТАВА

Полтава, чудный город!
Пусть не был я в нем сроду,
Он все равно мне дорог,
Как дорог он народу.
Не зря его воспели.

Бесстрашный, он по праву
Стоял у колыбели
Отечественной славы!
Теперь он будет милым,

Родным для нас и близким
Еще и по могилам
На шляхе украинском.
За славный бой у лога,
За бой у переправы,
За Киев, за дорогу
На запад от Полтавы.

1941

ЕСЛИ БУДЕШЬ РАНЕН, МИЛЫЙ, НА ВОЙНЕ...

Если будешь ранен, милый, на войне,
Напиши об этом непременно мне.
Я тебе отвечу
В тот же самый вечер.
Это будет теплый, ласковый ответ:
Мол, проходят раны
Поздно или рано,
А любовь, мой милый, не проходит,
нет!

Может быть, изменишь, встретишься
с другой —
И об этом пишут в письмах,
дорогой! —
Напиши... Отвечу...
Ну, не в тот же вечер...
Только будь уверен, что ответ придет:
Мол, и эта рана
Поздно или рано,
Погрущу, поплачу... все-таки пройдет.

Но в письме не вздумай заикнуться мне
О другой измене — клятве на войне.
Ни в какой я вечер
Трусу не отвечу.
У меня для труса есть один ответ:
Все проходят раны
Поздно или рано,
Но презренье к трусу не проходит,
нет!

1941

ВСЕМ ТЫ, МОЛОДЕЦ, ХОРОШ

Всем ты, молодец, хорош,
Всем ты за сердце берешь:
И улыбкой, и лицом,
И приветливым словцом.
Слово скажешь — сердце тает!
...А чего-то не хватает...

Сколько в молодце красы!
У него ли не усы!
Не усы, а усики,
Не глаза, а бусики:
Как посмотрит — сердце тает!
...А чего-то не хватает...

Не хватает молодцу
Не красы, не золотца —
Силы да умелости,
Ловкости да смелости,
Голубых петлиц к лицу
Не хватает молодцу!

1941

ЧЕМУ НЕ БЫВАТЬ И ЧТО НЕПРЕМЕННО БУДЕТ

Чего никогда не видел?
— Чтоб зрячего вел слепец.
— Чтоб сокола змей обидел.
— Чтоб сдался врагу боец.

Чего никогда не слышал?
— Чтоб лебедем взвился рак.
— Чтоб гусь на охоту вышел.
— Чтоб сладил с народом враг.

Чего не бывало сроду?
Чему никогда не стать?
— Не тронуться Волге вспять.
— Не быть под ярмом народу!

А что непременно будет?
— А быть морозу к зиме.
— А щуке быть на блюде.
— А Гитлеру... быть в земле!

1941

ПЕСНЯ О РОДИНЕ И О МАТЕРИ

Так уж водится, наверно,
Я давно на том стою:
Тот, кто любит мать, наверно,
Любит родину свою!

И в народе неделимо
Счастье радости одной:
Счастье родины любимой,
Счастье матери родной.

И, выходит, руку поднял
На твою родную мать —
Кто осмелился сегодня
Счастье родины ломать.

И с таких, как с гадов хищных,
Страшных в подлости своей,
Их поганой кровью взыщут
Миллионы сыновей!

1941

СЛАВА РУССКОМУ ШТЫКУ!

Сильна народная натура.
И знал у нас любой малец
Суворовское: пуля-дура,
А штык — известно! — молодец.

Но годы шли... Суровый, смелый
Народ наш многое постиг.
И пуля-дура... поумнела.
— А как же штык?
— А русский штык?

В атаках грозных и суровых
Советский доказал боец,
Что в этой части прав Суворов:
И штык все так же... молодец!

1941

НАРОДНЫЙ ФОНД

Ты потому и дорога нам,
Земля, отбитая в бою,
Что нашей кровью чистоганом
Платили мы за жизнь твою.

Не раз над нами смерть витала,
Но твердо бились до конца
Из благородного металла
В борьбе отлитые сердца!

И мы не только труд недельный,
Не только золото и медь —
Как наши предки, крест нательный —
Не станем для тебя жалеть.

Но, если родине угодно,
Мы отдадим и жизнь свою:
Непобедимый фонд народный —
Людей, готовых пасть в бою!

1941

МАШИНИСТ

Стук колес и ветра свист,
Мчится поезд — дым по пояс;
Бледен русский машинист,
Он ведет немецкий поезд.

Кровь стучит в его висках,
Мыслей спутался порядок;
В длинном поезде войска
И снаряды... и снаряды!

И шумит родная рожь,
И вопят поля и пустошь:
«Неужели довезешь?
Не допустишь... не допустишь!»

Водокачек кирпичи,
Каждый дом и каждый кустик —
Все вокруг него кричит:
«Не допустишь... не допустишь!»

За спиной наган врага,
За спиною смерть... так что же!
Жизнь, конечно, дорога,
Но ведь честь еще дороже.

Ветер шепчет: «Погляди
Высунься в окно по пояс:
Путь закрыт, и впереди
На пути с горючим поезд».

Он с пути не сводит глаз.
Семафор, должно быть, скоро.
Вот зажегся и погас
Глаз кровавый семафора.

Сердце сжалось у него —
Боль последняя, немая.
Немец смотрит на него,
Ничего не понимая.

Но уж поздно понимать!
Стрелки застучали мелко.
«Родина, — он шепчет, — мать...» —
И проскакивает стрелку.

Взрыва гром и ветра свист...
Ночь встает в огне по пояс;
Гибнет русский машинист,
Гибнет с ним немецкий поезд!

1941

ПЕРЕД БОЕМ

Мы долго ждали этот час,
Но ждали мы его недаром:
Когда, удобно изловчась,
Мы опрокинем их ударом!

Он будет смел, он будет яр,
Удар решительный, без дрожи.
Мы в этот яростный удар
Всю нашу страсть, всю душу вложим.

В нем будет все, что только есть
В сердцах, обидой раскаленных:
И гнев бойца, и боль, и месть
На бой рванувшихся мильонов!

За слезы наших матерей
Сегодня мы пройдем по трупам
Врагов... и мы умрем скорей,
Чем хоть на шаг один отступим!!

1941

КОМСОМОЛЬЦУ

Товарищ, милый, не забудь:
Мы все строители отчасти,
Мы все прокладываем путь
К давно заслуженному счастью.

Но счастье ладится с трудом.
Врагов еще, товарищ, бездна.
И путь, которым мы идем,
Есть путь действительно железный.

Но мы опасностью горды.
Мы не изменим нашим целям.
Мы нашу славу и труды,
Как честный хлеб, с народом делим.

И ты таким же твердым будь!
Да будет страх тебе неведом,
Как всем, кто встал на этот путь,
К борьбе ведущий и к победам!

1941

УЗБЕКСКАЯ ПЕСНЯ

Сел узбек на коня,
Натянул уздечку.
«Не забудь про меня», —
Просит он узбечку.

Привстал на коне,
Приподнялся выше:
«Ты еще обо мне
Услышишь!.. Услышишь!..»

Мчится сокол степной,
Рубит слева, справа,
И кружит за спиной
У героя слава.

Звонко слава звучит
Серебром уздечки.
Громко сердце стучит
Под рукой узбечки.

Побледнела она,
Радость грудь колышет.
«Слышу, — шепчет она, —
Слышу, милый, слышу!..»

1941

ПЕСНЯ ОБ ОТЦЕ И СЫНЕ

На поле боя в нашем взводе
Я видел храброго бойца.
Потом я видел на заводе
Его усатого отца.

Они запомнились мне оба.
Как храбрый сын его в бою,
Отец в цеху с какой-то злобой
Деталь оттачивал свою.

«Так, дым войны с фабричным дымом
Соединив, — подумал я, —
Становится непобедимой
Простая русская семья!

И надо быть плохим поэтом,
Неверно думать, скверно жить,
Чтобы, увидев их, об этом
Хорошей песни не сложить».

1941

ПЕСЕНКА

Слезы брызнули из глаз,
Покраснела густо:
«Я не так жалею вас,
Как расстаться грустно.

Но останьтесь... и тотчас
Грусть моя убудет,
И не больно мне за вас,
А уж стыдно будет!»

Если любишь — все равно,
Черен или рус он.
Лишь бы только не одно:
Лишь бы не был трусом...

1941

ПЕТЛИЦЫ

Не могли бы вы, сестрица,
Командиру услужить?
Не могли бы вы петлицы
На шинель мою нашить?

Может быть, вдали, в разлуке,
Невзначай взглянув на них,
Я с волненьем вспомню руки,
Нашивавшие мне их.

Сердцу станет так приятно!
...А когда война пройдет,
А когда меня обратно
К вам победа приведет,

Может быть, тогда, сестрица,
Уцелевшие в огне
Эти скромные петлицы
Вам напомнят обо мне...

1941

* * *

Я видел девочку убитую,
Цветы стояли у стола.
С глазами, навсегда закрытыми,
Казалось, девочка спала.

И сон ее, казалось, тонок,
И вся она напряжена,
Как будто что-то ждал ребенок...
Спроси, чего ждала она?

Она ждала, товарищ, вести,
Тобою вырванной в бою, —
О страшной, беспощадной мести
За смерть невинную свою!

1941

ЕСЛИ Я НЕ ВЕРНУСЬ, ДОРОГАЯ...

Если я не вернусь, дорогая,
Нежным письмам твоим не внемля,
Не подумай, что это — другая.
Это значит... сырая земля.

Это значит, дубы-нелюдимы
Надо мною грустят в тишине,
А такую разлуку с любимой
Ты простишь вместе с родиной мне.

Только вам я всем сердцем и внемлю.
Только вами и счастлив я был:
Лишь тебя и родимую землю
Я всем сердцем, ты знаешь, любил.

И доколе дубы-нелюдимы
Надо мной не склонятся, дремля,
Только ты мне и будешь любимой,
Только ты да родная земля!

1942

ТЫ ПИШЕШЬ ПИСЬМО МНЕ

На улице полночь. Свеча догорает.
Высокие звезды видны.
Ты пишешь письмо мне, моя дорогая,
В пылающий адрес войны.

Как долго ты пишешь его, дорогая.
Окончишь и примешься вновь.
Зато я уверен: к переднему краю
Прорвется такая любовь!

...Давно мы из дома. Огни наших комнат
За дымом войны не видны.
Но тот, кого любят,
Но тот, кого помнят,
Как дома и в дыме войны!

Теплее на фронте от ласковых писем.
Читая, за каждой строкой
Любимую видишь
И родину слышишь,
Как голос за тонкой стеной...

Мы скоро вернемся. Я знаю. Я верю.
И время такое придет:
Останутся грусть и разлука за дверью,
А в дом только радость войдет.

И как-нибудь вечером вместе с тобою,
К плечу прижимаясь плечом,
Мы сядем и письма, как летопись боя,
Как хронику чувств, перечтем...

1942

ДВЕ СТАРИННЫХ РУССКИХ ПЕСНИ

СОЛДАТСКАЯ

С песней, с дробью барабанною
Мы, друзья, в ряды построимся
И, ступив на поле бранное,
Славной смерти удостоимся.

Подвиг, мужественно пройденный,
Не забудется потомками.
Будет петь веками родина
Нашей славы песни громкие!

...Черный ворон в небе кружится,
Нам грозит зрачками тусклыми,
Но испытанное в мужестве
Не поддастся сердце русское.

Наши деды, наши прадеды
Не служили кривде слугами;
Мы земли не ищем краденой,
Чести ищем непоруганной!

Мы на ветер слов не тратили,
Мы клялись родным околицам.
Наши жены, наши матери
За победы наши молятся.

Слово храбрых — слово твердое.
И земли родной не выдадим;
Русских можно видеть мертвыми,
Но рабами их не видели!

С песней, с дробью барабанною
Мы, друзья, в ряды построимся
И, ступив на поле бранное,
Славной смерти удостоимся...

КАЗАЧЬЯ

Провожает сына мать
На чужбину воевать:
«В добрый час, счастливый путь...
Да, смотри, не позабудь:
На войне на старика
Не выхватывай клинка.
Нам со старым воевать —
Что чужое воровать».

Провожает сына мать
На чужбину воевать:
«В добрый час, счастливый путь...
Да еще не позабудь:
Баба встретится, сынок,

Не выхватывай клинок.
С глупой бабой воевать —
Что чужое воровать.

Но когда начнется бой
И схлестнется враг с тобой,
Мой наказ тебе таков:
За убитых стариков,
За поруганную честь
Рубани что силы есть.
С лютым зверем воевать —
Только славу добывать!»

1942

СТОЮ В СМЯТЕНЬЕ У ПОРОГА

Стою в смятенье у порога
И не могу переступить.
Что мне сказать им... ради бога!
С чего начать... Как приступить?
Нелегкий труд и в самом деле
Сказать им: «Вы осиротели.
Что ваш любимый сын в бою
Погиб за родину свою.
И что, смертельно ранен,
Меня на поле брани,
Поднявшись из последних сил,
Родным он кланяться просил».
Как в дом войти с такою вестью?
Как бросить бомбу в мирный быт!
Как мне сказать им: «Он убит...»
О, если б можно было местью
Такое горе врачевать,
Тогда б я знал, с чего начать!

Я б им сказал: «Прекрасный, смелый,
Увитый славой, как плющом,
Ваш сын погиб за наше дело,
И нами трижды отомщен!»

1942

КЛЯТВА

Над свежей могилой героя
Клянутся сурово друзья,
И клятвы сильнее, чем эта,
Придумать, должно быть, нельзя.

Она языком автоматов
Вдоль пыльных шоссе говорит,
Она офицерскою хатой
В ночи партизанской горит!

Как чистое детское сердце,
Слова этой клятвы просты.
Но гнутся под тяжестью слова
И падают в бездну мосты.

И бурно над свежей могилой
В ответ прорастает трава,
Как знак, что становятся жизнью
Суровые клятвы слова.

1942

ГВАРДЕЙСКИЙ МАРШ

Над родиной грозные тучи,
В огне небосвод голубой.
Приказ командарма получен —
Сегодня, товарищи, в бой!

Оружие ваше проверьте,
Проверьте свинец и сердца:
Готовы ли биться до смерти
И руки и сердце бойца?..

Молчат патриоты сурово,
И только сердца не молчат:
«Готовы, готовы, готовы! —
Сердца патриотов стучат.

Мы, честные русские люди,
Мы, храбрая русская рать,
Клянемся, что немец не будет
Родимую землю топтать!»

Сдвигаются брови с угрозой,
Сжимается в ярости рот,
И в бой за родные березы
Бросаются люди вперед!

Летят краснозвездные лавы
Рядами железных колонн,
Лишь стелется по ветру слава
Сияньем гвардейских знамен!

1942

ПРОВОДЫ

Удаляясь быстро-быстро,
Опускался поезд вниз;
Отставая, дым и искры
Вслед за поездом гнались.

Песня слышалась недолго.
И она в конце концов
За шлагбаумом умолкла
Вместе с гомоном бойцов...

Тихо стало на перроне,
Только слух и только взгляд:
Люди слова не проронят,
Только вдаль тепло глядят.

Так тепло глядят и строго
(С теплотой глядишь и ты),
Что бойцам на всю дорогу
Хватит этой теплоты.

1942

КЛЯТВА

Клянусь: назад ни шагу!
Скорей я мертвый сам
На эту землю лягу,
Чем эту землю сдам.

Клянусь, мы будем квиты
С врагом. Даю обет,
Что кровью будут смыты
Следы его побед!..

А если я нарушу
Ту клятву, что даю,
А если вдруг я струшу
Перед врагом в бою,

Суровой мерой мерьте
Позор моей вины:
Пусть покарает смертью
Меня закон войны!

1942

ДОПРОС

«Ви стояль на карауле?»
　　　«Нет».
«Ви пустиль в зольдата пуля?»
　　　«Нет».
«Ви живете у базара?»
　　　«Нет».
«Ваш фамилия Назаров?»
　　　«Нет».
...Три расколотых ореха.
Ночь. Но выстрелам в ответ
Трижды отвечает эхо:
«Нет.
　　Нет.
　　　Нет!»

1942

В ДОРОГЕ

Ночь, и снег, и путь далек;
На снегу покатом
Только тлеет уголек
Одинокой хаты.

Облака луну таят,
Звезды светят скупо.
Сосны зимние стоят,
Как бойцы в тулупах.

Командир усталый спит,
Не спешит савраска,
Под полозьями скрипит
Русской жизни сказка.

...Поглядишь по сторонам —
Только снег да лыжни.
Но такая сказка нам
Всей дороже жизни!

1942

НА КРЫЛЬЦЕ

Дверь открыта. Дело к ночи.
У подъезда сани.
Медик Эдик просит очень:
«Прокатитесь с нами».

«Не могу я, не могу я,
Лучше не просите.
Лучше девушку другую,
Эдик, пригласите».

Но студент из кожи лезет,
Умоляет Эдик:
«Свежий воздух вам полезен, —
Говорю, как медик».

Тронул руку...
«Рук не троньте,
Докторам не верю.
Доктор мой сейчас на фронте...» —
И закрыла двери.

1942

ЗАЗДРАВНАЯ ПЕСНЯ

Что любится, чем дышится,
Душа чем ваша полнится,
То в голосе услышится,
То в песенке припомнится.

А мы споем о родине,
С которой столько связано,
С которой столько пройдено
Хорошего и разного!

Тяжелое — забудется.
Хорошее — останется.
Что с родиною сбудется,
То и с народом станется.

С ее лугами, нивами.
С ее лесами-чащами;
Была б она счастливою,
А мы-то будем счастливы.

И сколько с ней ни пройдено, —
Усталыми не скажемся
И песню спеть о родине
С друзьями не откажемся!

1942

РУССКОЙ ЖЕНЩИНЕ

Русской женщины тихая прелесть,
И откуда ты силы берешь?
Так с тобой до конца и не спелись
Чужеземная мода и ложь.

А гляди: на готовом не нежась,
Соблюла, не утратила ты
Щек своих незаемную свежесть,
Блеск и гордость своей простоты.

А не сдали, склоняясь над делом,
Ни твои ни осанка, ни рост.
И журчит по плечам твоим белым
Золотая поэзия кос.

Если б слово такое имелось —
Передать так, как есть, без затей
Этот взгляд, эту робкую смелость,
Как на тройке летящих бровей!..

Да, не с песней неслась, не на тройке
Красоты твоей русская быль.
Было все: и больничная койка,
И этапов кандальная пыль,

Казематов подземные своды...
А когда (это помню уж сам)
Бородатые люди свободы
По сибирским скрывались лесам,

На снегу, на серебряном ложе,
Целя в подлую власть Колчака,
Припадала к ружейному ложу
Молодая, от гнева, щека!..

Но и в белое логово целясь,
Не менялась душа твоих глаз:
Та же тихая русская прелесть
Из-под шапки глядела на нас.

И такой же, во всем обаянье
Самобытной своей красоты,
И сегодня под звуки баяна
Над землянкой склоняешься ты.

Перерывы солдатского боя
Переливами песен полны:
За гармоникой бредят тобою
Загорелые руки войны...

Как же так: и тюремную участь,
И войну, и нужду, может быть,

Глаз твоих голубая живучесть,
Не померкнув, могла победить?!

Не такой ли ты просто породы?
Не таких ли ты просто кровей?
Уж не в недрах ли русских — природа
Неподкрашенной силы твоей?

Не одна ли роса оросила
И тебя и родные края?
И, как самое имя «Россия»,
Не извечна ли прелесть твоя?

1943

ФРОНТОВИК

Когда мне писарь литер выдаст,
Я место в поезде займу.
Приеду. С близкими увидясь,
Я всех их крепко обниму.

Помоюсь в бане. Выпью чаю,
Проходит день. За ним — второй.
И вдруг... я дико заскучаю
О нашей жизни фронтовой.

Вокруг покажется все мелким,
Неинтересным для тебя,
И как-то не в своей тарелке
Я буду чувствовать себя.

Потом, почувствовав усталость,
Начну томиться и вздыхать,
Считая, сколько мне осталось
Еще вот так вот отдыхать.

И, утомясь на самом деле,
С какой-то радостью в груди
До срока ровно за неделю
Я окажусь опять в пути.

...Подходит поезд прямо к Дону.
Отсюда в часть — минутный путь.
Ну вот, я, кажется, и дома!
Теперь не грех и отдохнуть...

1943

ПОСЛЕ БОЯ

Сон короткий после боя
В переполненной избе.
Я укрылся с головою
Нежной мыслью о тебе.

Положил я в изголовье
Сумку верную свою,
Оборвав на полуслове
Пережитое в бою.

И уже через мгновенье —
Ни войны, ни маяты:
В легких тканях сновиденья
Надо мною только ты.

Отступает все куда-то
(Только ты — и никого!)
Перед крепким сном солдата,
Крепким, как любовь его!

1943

ЗАТИШЬЕ

> Он душу младую
> в объятиях нес...
>
> *М. Лермонтов*

Над землянкой в синей бездне
И покой и тишина.
Орденами всех созвездий
Ночь бойца награждена.

Голосок на левом фланге.
То ли девушка поет,
То ли лермонтовский ангел
Продолжает свой полет.

Вслед за песней выстрел треснет —
Звук оборванной струны.
Это выстрелят по песне
С той, с немецкой стороны.

Голосок на левом фланге
Оборвется, смолкнет вдруг...
Будто лермонтовский ангел
Душу выронил из рук...

1943

ПЕХОТА

Холодный огонь непогоды.
Прожектор уперся в зенит;
Тяжелая обувь похода
По мерзлому грунту звенит.

Натружены до крови ноги.
Но только вперед и вперед
Упрямая воля дороги
Солдатскую ярость ведет.

Нет сил с непогодой бороться,
И стужа сердца леденит.
Но сзади глазами сиротства
Вослед им Р о с с и я глядит.

1943

НА ДНЕПРЕ

Привал у переправы —
Заправка невзначай;
Танкисты всей оравой
Устало пили чай.

Река траву колышет,
Волна о берег бьет.
И вдруг танкисты слышат,
Что девушка поет.

Поет она печально
На правом берегу.
...Бросает чай начальник:
«Гвардейцы... не могу!»

Идет к машине быстро.
Встает за ним народ.
Бросают чай танкисты —
По танкам — и вперед!

Забыли про усталость —
Летят вперед, как вихрь.
...Украйна, им казалось,
Зовет на помощь их.

1943

МИХАЙЛОВСКОЕ

> Спой мне песню, как синица
> Тихо за морем жила;
> Спой мне песню, как девица
> За водой поутру шла.
>
> *А. Пушкин*

На столе пирог и кружка.
За окном метель метет.
Тихо русская старушка
Песню Пушкину поет.

Сколько раз уж песню эту
Довелось ему слыхать!
Почему ж лица поэта
За ладонью не видать?

Почему глаза он прячет:
Или очи режет свет?
Почему, как мальчик, плачет,
Песню слушая, поэт?

На опущенных ресницах
Слезы видно почему?
Жаль синицы? Жаль девицы?
Или жаль себя ему?

Нет, иная это жалость.
И совсем не оттого
Плачет он и сердце сжалось,
Как от боли у него.

Жаль напевов этих милых,
С детства близких и родных.
Жаль, что больше он не в силах
Слышать их и верить в них.

Песни жаль!.. И он рукою
Слезы прячет, как дитя.
...Буря мглою небо кроет,
Вихри снежные крутя.

1943

РУССКАЯ ПЕСНЯ

Не звали нас и не просили,
Мы сами встали и пошли,
Судьбу свою в судьбе России
Глазами сердца мы прочли.

Мы будем жить, как наши предки,
К добру и подвигу спеша:
Свободно жить! Неволи, клетки
Не терпит русская душа.

Над нами ясность небосвода,
Могуч народ и коренаст;
Дубрава, степь... Сама природа
Солдатской чести учит нас!

Мы на свои леса и воды,
Как на своих друзей, глядим.
И благородных чувств природы,
Как дружбы, мы не предадим...

Не рвемся мы в чужие страны.
Но сердцем чистым и простым
Родной земли живые раны
Мы не забудем, не простим.

Недаром так упрямы ноги,
Недаром люди так сильны,
Недаром люди и дороги
На запад так устремлены!

1943

СЕСТРА

Когда, упав на поле боя —
И не в стихах, а наяву, —
Я вдруг увидел над собою
Живого взгляда синеву,

Когда склонилась надо мною
Страданья моего сестра, —
Боль сразу стала не такою:
Не так сильна, не так остра.

Меня как будто оросили
Живой и мертвою водой,
Как будто надо мной Россия
Склонилась русой головой!..

1943

* * *

Дни склоняются и меркнут.
Лишь не меркнет боль живая,
Как солдата на поверку,
Юность громко вызывая.

Но в ответ — одно молчанье.
Только сам вздохнешь порою,
Как вздохнет однополчанин
Над могилою героя...

1943

МОСКВЕ

Немало в столице я прожил,
И трудно тебя мне узнать!
Ты стала красивей и строже,
Как смерть повидавшая мать.

В глазах еще отзвуки боли,
Суровый излом у бровей;
Но веет и силой и волей
От русской печали твоей.

Скупей на слова и в нарядах,
Ты стала щедрей на дела;
Ты строгий, хозяйка, порядок
В квартире своей навела!

Как будто за каждой вещицей,
Тобою упущенной, вдруг
Мог снова ожить, притаиться
Тобой пережитый недуг.

1943

ГОРОД

> Москва... как много в этом звуке
> Для сердца русского слилось.
>
> *А. Пушкин*

Вот он, древний, родной и великий,
В эту зимнюю ночь — нелюдим;
Над трубою фабричною лихо,
По-гусарски, закрученный дым.

Колокольни Ивановой каска
И под снегом, как будто дремля,
До бровей заметенная сказка —
Златоглавая сказка Кремля.

Сколько мыслей, и чувств, и волнений
Вызывает в душе этот вид!
Небо, влажное от умиленья,
Как художник, на город глядит.

Но и небо мне кажется тусклым:
Эту славных веков благодать
Можно только, пожалуй, на русском,
На родном языке передать!

1943

БЫЛОЕ

Закат. Приднепровские нивы.
Плетутся волы кое-как.
Колеса скрипят. И лениво
Сосет свою люльку чумак.

И вдруг, замахнувшийся было,
Застынет в руке его кнут:
То город, душе его милый,
То Киева главы всплывут!

И, чувству святому внимая,
Слезает с арбы кое-как,
Широкую шляпу снимает
И крестится долго чумак...

1943

ПЕЙЗАЖ

Полей предвечерняя небыль,
Похода размеренный шаг;
Пыля, пробирается в небо
Войны бесконечный большак.

Белеет старинная церковь
Над тихой и мирной рекой.
На куполе медленно меркнет
Степного заката покой.

Но с мирной природою в споре,
Как грозного времени тень,
Чернеет народное горе
Спаленных войной деревень.

Чернеет и справа и слева...
И слышно, как там, впереди,
Огонь орудийного гнева
Гудит у России в груди!

1943

* * *

Лампы неуверенное пламя.
Непогодь играет на трубе.
Ласковыми, нежными руками
Память прикасается к тебе.

К изголовью тихому постели
Сердце направляет свой полет.
Фронтовая музыка метели
О тебе мне, милая, поет.

Ничего любовь не позабыла,
Прежнему по-прежнему верна:
Ранила ее, но не убила
И не искалечила война.

Помню все: и голос твой, и руки,
Каждый звук минувших помню дней!
В мягком свете грусти и разлуки
Прошлое дороже и видней.

За войну мы только стали ближе.
Ласковей. Прямей. И оттого
Сквозь метель войны, мой друг,
я вижу
Встречи нашей нежной торжество.

Оттого и лампы этой пламя
Для меня так ласково горит.
И метель знакомыми словами
О любви так нежно говорит...

1944

ПОСЛУШАЙ МЕНЯ

Послушай меня: я оттуда приехал,
Где, кажется, люди тверды, как гранит,
Где гневной России громовое эхо,
Вперед продвигаясь, над миром гремит.

Где слева — окопы, а справа — болота,
Где люди в соседстве воды и гранат
Короткие письма и скромные фото,
Как копии счастья, в планшетах
хранят.

Здесь громкие речи, товарищ, не в моде,
Крикливые песни совсем не в ходу,
Любимую песню здесь люди
заводят —
Бывает — у смерти самой на виду!
И если тебя у костра попросили
Прочесть, как здесь принято, что-то
свое —

Прочти им, без крика, стихи о России,
О чувствах России к солдатам ее,
Как любят их дети, как помнят их
жены...
И станут тебе моментально слышны
И снег и деревья — весь слух
напряженный
Овеянной стужей лесной тишины.

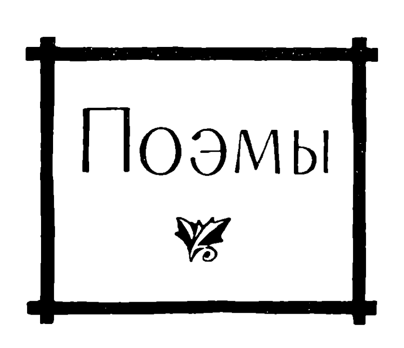
И как бы при звуках родной им
трехрядки,
Словам твоей правды поверив не вдруг,
Веселый огонь молодой переглядки,
Искрясь, облетит их внимательный
круг.

И кто-то дровец, оживляясь, подбросит,
И кто-то смущенно оправит ружье,
И кто-то любимую песню запросит,
И кто-то тотчас же затянет ее...

В холодных порядках серебряной чащи
Осыплется пепел с верхушек седых:
Как будто простое, солдатское счастье
Горячим дыханьем коснется и их.

А русская песня, что с кривдой не
в мире,
Пойдет между тем замирать на лету,
Потом, разрастаясь все шире и шире,
Как храбрый разведчик, уйдет
в темноту.

1944

Поэмы

ЯКУТЫ

Г. Ржанову

Доху песцовую тундра надела, —
Время велело надеть.
Поверху — бело,
Понизу — бело,
Бело, как белый медведь.

Лайкой пришибленной каждого лижет,
Гонит мороз в три ноги.
Бросил якут и берданку и лыжи,
Пьет огневое орги [1].

Ой, ой, морозка,
Черен и бел ты.
Черен, как русский торгаш.
Русский возьмет половину белки,
Ты и хвоста не дашь.

Тощи олени,
Слабей человека.
Шкуру повыели вши.

---

[1] Орги — водка *(якутск.)*.

Как же мне, кыс[1], из большого наслега,
Новые камосы[2] шить?

Рыжие луны за тундрой потонут,
Глубже упрячется звездный народ.
А к моему худому хатону[3]
Стройная кыс
Ни за что не придет.

Рыжие луны за тундрой потонут,
Бросят олени под сани помет,
В дальний наслег
К огонеру-таену[4]
Стройная кыс, напевая, уйдет...

Соболем бурым дума вертится,
Лапой скребет по груди.
Э-э-э, заходи, человек или птица,
Сам сатана — заходи!..

«Здравствуй, Олеська, охотник хороший,
Глаз твой да будет как нож!
Как поживают
Олени и лошадь?
Сам хорошо ли живешь?»

---

[1] Кыс — девушка.
[2] Камосы — оленьи сапоги.
[3] Хатон — изба, юрта.
[4] Таен — богач.

«Живы олени и лошади будто,
Только что корм намесил.
Здравствуй, Мисир, инородец
безъюртный,
Здравствуй, охотник Мисир.

Пес за хатоном.
Снимай свои лыжи,
Сбрось с опояска ножи.
Греет орги,
Подвигайся поближе,
Длинно про степь расскажи...»

Славно Мисиру
На шкуре мохнатой
Вытеплить зяблые выкрутки рук;
Рыжую гриву огонь волосатый
Чешет на остром ветру...

«Слушай, Олеська,
В степи затаенной
Много творится чудес.
Воют волками собаки-таены,
Стаями тянутся в лес.

Помнишь места, где зимуют медведи, —
С троп, где кочует зверье,
Красный шаман с шайтанятами едет,
Новую веру везет.

Глаз его мудрый
Каждую щелку,

Всякое горе найдет,
Кыс молодую и черную белку
Больше таен никогда не возьмет!..»

«Кыс молодую... и черную белку...
Брать у таенов, сказал?» —
Ой, как рассыпались остро и мелко
Вдруг у Олеськи глаза.

...Рыжие луны за тундрой потонут,
Бросят олени под сани помет,
В дальний наслег
К огонеру-таену
Стройная кыс, напевая, уйдет.

Помнит Олеська за битой спиною
Лет многорогий табун.
Где же забыть,
Если осенью ноют
Годы на самом горбу?
Где же забыть,

Если столько таено
То, что нельзя утаить?
О-о, как умеют собаки-таены,
Даже не трогая, бить!..

Время не вытравит челюстей волчьих,
Годы кровавых рубцов не заткнут, —
Целую ночь над берданою молча
Медные скулы маячил якут...

Вымерли жилы отчаянных речек...
Снежные дали рыхлы и круты.
Утром засветло,
Солнцу навстречу,
Ружья закинув,
Ушли якуты.

1924

МИЛОЕ ДЕТСТВО

1

Кто виноват
В этих странностях был:
Пушкин,
Нужда
Или что-то другое,
Но тараканов
Я не любил.
И не любил я
Покоя.

Полная
Ранних обид
И досад,
Жизнь представлялась
Куда аккуратней!
Ладно,
Согласен:
Не райский сад.
Но почему...
Курятник?!

Я понимаю:
На счастье — паи...
Но если день
Начинается розов,
Ах, как прекрасно
Бренчат воробьи
И заливаются
Водовозы!

Я понимаю:
И солнце —
Не мне.
Но если солнце
Врывается резко,
Ах, как прекрасно
На дряхлом окне
Тлеет
Моя занавеска!

И — поразительно:
Чем голубей,
Чем высота
Над окраиной
Чище,
Костя гоняет
Сильней
Голубей
И выразительней
Свищет...

Каждая тварь
По душе,

По крови,
Кто бы он ни был
И что бы он ни был —
Просит
Немного тепла,
И любви,
И голубого,
Хорошего неба...

Пусть
Я не строил,
Пусть
Не садил,
Но полюбил я,
Не скрою,
Крыши чужие,
Чужие сады
И вообще —
Все чужое.

Правда,
Вначале —
Божиться готов! —
Не допускал я
Духовную грубость.
Ну, там...
Подоишь
Чужих коров
Или яичко срубишь [1].

---

[1] Украдешь.

Больше любил я
В хорошую звездь,
Так,
Чтоб невидим,
И так, чтоб
Неслышим,
Больше любил я
На крышу
Взлезть
И растянуться
По крыше.

Густо взойдет
Небосвод голубой,
Желтые звезды
Рассыплются густо.
И закачается
Над тобой
Многомиллионная
Люстра!

И тишина...
Тишина — кругом,
Так что уж
Некуда тише.
Только что тополь
Порхнет обшлагом
С левобережья
Крыши.

Это была
Настоящая тишь!

Звезды...
Луна...
И слюни:
Сплюнешь
Легонечко
И лежишь.
Полежишь...
И опять
Сплюнешь.
Как я плевал!
Как я плевал!
Я отдавался
Высокой работе.

Вдруг
Налетает девятый вал
В образе
Тети!

2

Осень — погода сходила с ума:
Ливни,
Распутица,
Скука...
Но скоро
Черные крыши
Покрыла зима
Белым,
Блестящим фарфором.

Клевое времечко, черт подери!
(В детстве декабрь удивительно
ласков.)
Клевое дело
С утра
До зари
Нырять на салазках...

Но не дымила
У наших
Труба.
Шубы — нема...
И поник я
Бескрыло.
Надо заметить,
Что мне
Судьба
Шубы
Совсем не скроила.

Но не на всех,
Не на всех,
Не всегда
Дует судьба
Свои толстые
Губы.
Тетя —
К примеру —
Имела — да,
Очень хорьковую
Шубу.

Тетя —
К примеру —
Имела еще...
Тетя имела!..
Тетя имела...
Пару мясницких
Бульонных щек.
Ну,
И мясное дело.

Стал я, понятно,
Моментом богат.
Счастье плашкету
Моментом
Поперло:
Тетина блуза
От горла
До пят.
Дядины брюки
От пят
И до горла.

Можете кушать
И можете пить.
Тут начинается
Мутная ловля.
Тетя решила
Меня
Посвятить
Господу
И торговле.

Начали с бога.
И, надо признать,
Здесь преуспел я
Немного.
Только потом —
Через душу
И мать —
Я дотянулся до бога!

Тетя старалась.
Но бог
Не помог.
И согласитесь сами,
Это — простительно,
Если, как бог,
Скажем,
Владеешь весами.
Тетя
(Божиться, убиться готов!)
Пусть —
Это мертвое,
Пусть —
Это вещи,
Тетя посмотрит...
И крылья весов,
Медные крылья...
Тре-пе-щут!

Да, и толста,
Да, и стара,
А умудрялась
Без всякого бунта

При покупателях
Полтора
Делать из фунта.

Что там —
Седины ученых мужей!
Тут — по призванью,
По сердцу...
К тому же
Тетя однажды
Учила уже
Дядю,
Покойного мужа.

Дядя — однако —
Моментом смекнул;
Дядя взглянул
На науку
Угрюмо.
Тетеньку
Дяденька
Обманул:
Взял
Да и умер.

Что же, я думаю,
Так, твою мать!
Что же, скажите,
И мне помирать?
Добре, я думаю,
Добре!
Лучше я тетку угроблю.

3

Время не любит
Сидеть на мели.
Ну, так на стеклах
У тетушки в спальне
Вновь расцвели
И вновь отцвели
Серебряные
Пальмы.

И, начиная о марте
Вранье
И принимаясь
Картавить
И каркать,
На белопером снегу
Воронье
Мечет
Трефовые карты.

— Картам не верю!
И в карты, кажись,
Стал я проигрываться
С пеленок.
Жизнь —
Это шулер.
Подлая жизнь
Любит играть
На крапленых.

Картам не верю!
И верить нельзя:
Проигрыш — в доску,
А выигрыш — зерны;
В жизни,
Мои дорогие друзья,
Надо уметь
Передернуть.
В жизни,
Мои дорогие, всем
Надо прижуливать малость!
Чтобы по банку
Пятнадцать и семь...
Двадцать один
Получалось!

. . . . .

Эту главу
Загибаю на ах!
В дребезгах
Снега,
В облаке
Пара
Даму в ротонде,
Даму в мехах
Прет, задыхаясь,
Седая
Пара!

В городе —
Визг,
В городе —

Вой.
На перекрестке
Акцизному
Жутко!
И козыряет городовой
У полосатой
Будки.

И поднимает
Усатый мент[1]
Лапу,
Как заячью лапку...
Кони — секунда,
Кони — момент
Прямо
На тетину лавку.

Сам — име-нин-ник!
А генерал
Любит покушать
И вкусно
И тонко...
— Нету теленка?!
Черт бы побрал,
Завтра же
Сделать теленка!

— Ах, негодяи!
Подлые ах!
(Ах, преподобный!
Ах, отче,

---

[1] **Мент** — полицейский.

Ах, Сергий!)
Сердится дама.
У дамы в ушах
Бьются
Холодные серьги.

Сердится дама...
А тетя — добра:
— Завтра —
Хоть двести,
Завтра —
Хоть триста!.. —
Из генеральшиного бобра
Прямо на тетю
Сибирские искры.

От генеральши
На улицу — страх!..
В дребезгах
Снега,
В облаке
Пара
Даму в ротонде,
Даму в мехах
Дальше проносит
Седая
Пара!

4

Утром проснулся,
На стеклах — сад.
Солнце,

Узоры
И всякие штуки.
Стой и любуйся!
А тетя — мусат[1]
Мне, понимаете,
В руки.

Дескать, мерзавец,
Все дрыхнешь
Да ешь,
И никакого толку.
— Чтоб ты сгорел!..
Поднимайся и режь
Для генеральши
Телку.

Глянул я,
Братцы мои,
На зарю:
Утро — богаче Креза!
— Лучше я, тетя,
И верно сгорю,
Чем буду
Телок
Резать.

Костя
И вовсе
Смотрел не туда.

---

[1] Мусат — металлический брус для точки мясницких ножей.

Был мой приятель
Характером резок:
— Телку не стоит,
А тетку — да.
Тетку бы надо
Зарезать.

Тетку бы надо
Сегодня днем
Перевести на ладан...
Да ты не бойся:
Мы только пугнем.
— Брешешь!
— В натуре.
— Ну, ладно...

Ладно, я думаю,
Я тебе дам,
Я тебе приготовлю
Триста телят
Для бобровых дам!
Я тебе, тетя милая, дам
Господа
И торговлю...
. . . .
. . . .
. . . .
Только мы — в двери,
А тетка:
— Осел! —
Думаю:
Надо старуху срезать.

— Я на минутку,
Я, тетя, пришел
Вас, между прочим,
Зарезать... —
Сразу заткнулась.
В поджилках — дрожь.
На руки смотрит.
А в правой — нож.

Кинулась к двери,
А Костя — в дверях.
Тоже с пером [1]
И ни слова.
Тетя как взглянет,
Как взвизгнет...
Трах!..
Трах...
И готова.

Ангелы тете
Открыли покой.
Ангелы приняли
Теткину душу.
Господи,
Упокой...
Семипудовую тушу!

Костя стоит
И — ничего.
Руки как руки.

[1] С ножом.

Фигура — прямая.
А я стою
И ничего
Не понимаю.

Странное дело!
Тетке капут.
(Тетя моя умирала редко.)
А канарейки
В клетке
Поют!
Поют и прыгают
В клетке!

А над Иркутском,
С веселой руки
Тете покойной
Давая фору,
Солнце вовсю
Разливает желтки
По снеговому фарфору.
И седину
Отряхает сосна.
И ледяные осколки
Повсюду...
Это — весна!
Это весна
Зимнюю
Бьет
Посуду!

Это — рыбалка,
Это — загар,
Значит — рыбалки, и утки, и чайки?!
— Костя, шестая...
Канай на базар!
Тетя, прощайте.

Нате рубаху,
Нате кровать,
Нате... торгуйте сами.
Лучше уж попросту
Воровать,
Чем воровать
С весами...

Солнце встречало.
На желобах
Тлеют сосульки...
Командую:
Сжечь их!
Как запылают,
Как вспыхнут
И — баххх!
По тротуару —
Жемчуг.

И поклонилась
Бродягам сосна.
И зазвенели
Стеклянные груды...
Это — весна!
Это весна

Зимнюю
Бьет
Посуду!

5

Дома — скандал!..
Но знакомый народ
Мать утешал высотой поднебесной:
— Бог не без сердца!
Может, помрет,
А не помрет,
Так повесят...

Только один,
Один человек
С бледным лицом,
С голубыми глазами,
Слезы скрывая,
Не поднял век,
Горе скрывая,
Замер.

— Милая Леля,
Да и для нас
Счастье могло бы
Чуть-чуть покапать!
Но у тебя —
Кроме скромных глаз —
Есть еще...
Папа.

Дом трехэтажный
(Кроме коня,
Кроме пролетки на толстых шинах!)...
Что трехэтажного
У меня,
Кроме матерщины?

Нет, не с тобой,
Да, не с тобой
Мне эту грустную пристань
Оставить!..

Мудро глядит
Горизонт голубой
Над городской заставой.
— Ой, человек,
Человек молодой,
Что?
И куда?
И доколе?
И покачало седой бородой
Облако
Над раздольем.

Но ни о чем!
Но ни о ком
Этой единственной ночью
Над голубеющим
Колпаком,
Под золотым
Многоточьем!..

— Костя,
Ты чувствуешь:
Ни о ком
Этой единственной
Ночью.
Костя,
Ты понял:
Мы сами — Ралле
Фирма...
И без обманов.
(Если обломится!)

Но в феврале
Вдруг
Загремел Романов.
За Петербургом
Поднялся Урал.
Дальше и больше,
Больше и дальше.
И над Иркутском,
Как зверь, заорал
Сам губернатор!
Сам генерал!
Сам
Генерал генеральшин!

Брызги рванули из-под камней!
— ...Вдрызг укатаю.
Немедленно взяться...
Сукин-просукин!..
Доставить ко мне
Этого мерзавца!!

Тетку ухлопал?!
Подумать — стыд!..
Добрый архаровец,
Добрый!

У генерала — усы
И блестит,
Как эполеты,
Бобрик.
Он задыхается,
Делая шаг,
Чтобы остановиться,
И эполеты прыгают,
Как
Две недобитые птицы.

И адъютант
К эполетам прижат,
Держится
За аксельбанты.
И аксельбанты
Хрустально дрожат
На голубом
Адъютанте.

И рикошетом
К дворцу,
От дворца
Мечутся полуживые
Городовые без конца,
Городовые,
Городовые!

И кафедральная скала
Гулом доносится дальним...
Слышим,
Залаяли колокола
Эхом
На кафедральном.

Видим:
Иконы подняв,
Как щиты,
Двинулся город по главной...
— Господи... защити,
Не выдавай,
Православный!

«Не выдавай» —
И срываться в момент
(дескать, догонит милость).
— Дуй!..
Заворачиваем:
Мент?!
Не обломилось!

Он появился,
Как из воды,
Вырос,
Как неземной:

— Вы — куды?
— Мы — туды.
— Вы — к кому?
— Мы — к нему.
— Значит, никуды?

— Ну ды.
— За-а-а мной!..

. . . .

Белый дворец
Из больших камней.
Медные ручки:
Боязно взяться!..
«Сукин-просукин...
Ко мне... мерзавца!»

На губернаторе
Синий сюртук.
По сюртуку —
Горизонт из медалей.
— Здравствуйте,
Здравствуйте, милый друг!
Давно, — говорит, —
Не видались.

Старый барон
Генерально суров.
Главное — глазки:
Не смотрит, а греет!
— Ну-с, — говорит,—
Ты — из жидов?
— Нет, — говорю,—
Из евреев.

Кровь ударяет
В затылок ему!
— Власть не приемлешь
С пеленок?!

Сукин-просукин...
А знаешь,
Кому
Предназначался
Теленок?

Знаешь...
Так что же ты,
Спятил с ума?
Вместо теленка...
Кровавая шалость!
— Нет, — говорю,—
Она — сама,
Сама,— говорю,—
Догадалась.

Тут невозможно —
Гремя и трубя,
Рухнула каменоломня...
«Да я тебе-е-е... э!
Да я из тебя...а!»
Дальше — темно.
Не помню.

Помню:
Без шапок
И босиком,
Оба пускаем дрожжи.
Ночь.
И серебряным косяком
Льет полосатый дождик.

Я нажимаю:
— Скорей, скорей,
Или стервятники
Сцапают пташек... —
Тьма.
Над графинами фонарей
Дождь светляками пляшет.

Шлепаем,
Как по морскому дну.
Костя сопит:
— Не могу я...
Дождь понимает:
Мы — в одну,
А он — в другую.

Дождь понимает нас хорошо:
Дальше и тише,
Дальше
И тише...
И вот он
На цыпочках прошел
По самой
Далекой
Крыше.

В синем мундире
И в орденах
Глянуло полуночье...

— Костя, мы живы!
Гуте нахт! [1]
Ваше неперескочишь!

[1] Спокойной ночи.

6

С детства — романтик,
Я шел,
Как на бал.
Друг был настроен,
Кажется,
Дрянно.
Друг возмущался,
Друг загибал
В господа,
В драбадана.

Друг произнес
Знаменитую речь:
— Гад на гаде,
Два гада — рядом.
Гадов поджечь,
Гадов пожечь,
Будь я
Гадом!

Справа — река.
Над течением бел,
Пар поднимался
Крылатым и сизым.
А в высоте —
Как открытый,
Горел
Бронзовый механизм.

— Костя, шестая...
Это не Рим.
Цезарь — не ты.
Не трепися впустую.
Город — не знаю,
А мы — погорим[1],
Если к утру
Не плитуем.

Слышишь, отец:
Ни-ка-ко-го огня!
Будет
На радостях
Малахолить...
Костя,
Пойми,
Там у меня
Все-таки...
Леля...

Так, ни о чем,
Так, ни о ком,
Вздыхая попеременно,
Шли на восток,
Шли босиком
Два молодых
Джентльмена.

---

[1] Провалимся, будем арестованы.

7

И вот однажды
(По-моему, в три)
Я это — Костю
Тихонько рукою:
— Костя, шестая,
А ну, посмотри,
Что это там такое?

Мы это —
Серыми повели.
Смотрим,
И, с толку сбиты,
Видим:
Поднялись,
Пошли ковыли,
Взятые
В ступу
Копытом.

Видим:
Пробитая солнцем
До дна,
Пыль и кипит и клубится,
Как на ветру...
А в просветах видна
Рыжая стать кобылицы.

Видим...
И ясное дело —
На ход.
Дескать, не вышло бы плоше.

— Топай! —
И — влево.
А нам — в проход —
Лошадь!

Красные брюки,
Синий мундир,
Солнце лицо озаряет.
Трекаюсь[1] с первого:
— Командир! —
А командир
Козыряет?!

А командир
Отдает нам честь?!
Руку подносит
К фуражке:
— С кем, извините,
Имею честь?..—
И распускает ряжку.

И рассыпает
Свой рисовый ряд;
Можно сказать,
Как хочет,
Нас покупает...
И весь отряд
За командиром
Хохочет.

---

[1] Догадываюсь.

Ладно, что я
Не любитель был зря
Переводить красноречия:
Не возмутился.
А друг — в пузыря.
Друг
Разражается
Речью.

Он повторил
Знаменитую речь:
«Гад на гаде,
Два гада — рядом,
Гадов поджечь,
Гадов пожечь,
Будь я —
Гадом!»

Словом, кипит,
Как слюна на камне.
Кроет и в душу
И в бога.
А командир,
Нагибаясь ко мне:
— Мало их там
Или много?

А командир говорит:
— Юнкерья,
Много их там
Или мало?

И как посмотрит:
— Да ты
Ни черта,
Видно, не знаешь, малый?!

Видно, тебя
На великом смотру
Не было, малый,
С нами?.. —
Он говорит мне,
А я все смотрю
На эскадронное знамя.

Въелся глазами:
Военный атлас
Шелком
И кровью выткан.
Въелся глазами,
Смотрю,
А из глаз
Две серебристые нитки.

Переживаю такую муру
С дрожью,
С ознобом до кости
Две-три минуты...
Да как заору:
— Ко-стя!

Костя, свобода...
Ядри се мать!!!

И — понимаете —
С пылу
Гоп — к командиру.
И ну обнимать
Под командиром
Кобылу.

Вот было дело!
До глупого рад,
Я одурел, между прочим.
Плачу, смеюся...
А весь отряд
За командиром
Хохочет.

И командир говорит:
— Так и быть,
Топай, парнишка,
За нами.
Будет баклушами
Груши бить! —
И подмигнул
На знамя.

Мол, для других,
Настоящих драк
Нам пригодишься, малый.
— Кстати,
И малый ты не дурак.
Хоть и дурак —
Немалый.

И, собирая свой рисовый ряд,
Вырос в седле,
Как на троне.
Выбрал поводья,
Осел.
И отряд
Тронул.

.   .

8

Ветер мотает
Бурятский ковыль.
И перепуганной птицей
Кверху
Взлетает дорожная пыль,
Вспыхнет
И снова садится.

Мимо идут,
Чередуясь, столбы.
Прямо
Перед глазами
Дым сумасшедший
Встает на дыбы.
Встал
Над Иркутском
И замер.

А в высоте —
Голубой водоем,
Полон до ручки созвездий,
Светит над нами...
Мы едем вдвоем
Передовыми
В разъезде.

Едем.
Понятно, глядим...
А вокруг —
Небо
И всякая травка.
Едем мы,
Едем мы,
Едем...
И вдруг
Пыль вырывается
С тракта!

Восемь копыт
По дороге кипит,
Искрятся...
Искры буквально
Из-под
Сверкающих,
Из-под
Копыт,
Как из-под наковальни!

Гудом гудит
Утрамбованный наст,

Стонет.
И, как на ворота,
Пара седых
Налетает на нас,
Резко осаживаясь
С поворота!

Я как увидел,
Аж онемел.
Белый,
Белее мела.
Глянул на Костю —
И Костя
Как мел,
И тоже
Все онемело.

Оба ни с места.
Стоим.
И вдруг
Затрепетали медали.
Я подъезжаю:
— Здравствуйте, друг!
Давно, генерал,
Не видались.

По генеральше цыганская дрожь
От каблучка
До сережек.
— Господи, шепчет,
Ты узнаешь,
Ты узнаешь,
Сережа?

Но генерал
К тарантасу прижат —
Нем,
Как и не было баса!
Вытянул руки,
И руки дрожат
На генеральских лампасах.

— Да не держите
Руки по швам.
Страхи какие на ночь!
Все.
Остальное доложит вам
Вот —
Константин Иваныч.

Друг в лобовую:
— Попили квас,
Время попробовать
Чаю.
Будьте любезны.
Тетя о вас
Очень скучает...

Я на себя, — говорит, —
Беру
Ваше устроить
Свиданье...

Костя расстегивает кобуру.
Барыня, до свиданья!

9

Дважды мой конь,
Оседая, взыграл.
Даже не пикнув,
Не буркнув,
Лег,
Опрокинулся генерал
Рядом с супругой
На бурку.

Брови, как филин,
Насупил
И спит.
Строгий, лицо неземное.
Я отвернулся.
Вдруг слышу:
Сопит
Костя
За мною.

Я на седле повернулся.
И вот —
Стало в гортани сухо!
Вижу:
Брильянт окровавленный
Рвет
Костя
Из мертвого уха!

Я его было
На бога беру:

— Брось,
Разменяю!..—
А Костя
Зубы оскалил —
За кобуру,
Злой,
Как собака над костью.

Ужас по мне
Прорастает, как шерсть.
Я подлетаю:
— Поганый,
Брось!!! —
Не бросает.
И все мои шесть
Я по нему
Из нагана...

Дрогнул,
Откинул раскрылия рук.
И, как подстреленный ворон,
Заколесил,
Покатился мой друг
Ахнувшим косогором.

Заколесил,
Повалился у ног.
И над товарищем детства
Встал я, растерян и одинок.
Встал — и не мог
Наглядеться.

Детство мое!
Мой расстрелянный мир!
Милое детство?!

А рядом...
Я оглянулся:
Стоит командир,
Мой командир отряда.

ПОСЛЕСЛОВИЕ

Время шагает
В открытую дверь.
Юность моя —
За горою.
Где отыскать,
Где найти
Теперь
Мне
Моего героя?

Или от пули
Союзных держав
Парень свалился в атаке?
Или, виски
Кулаками зажав,
Учится он
На рабфаке?

Где ты:
В тени
Или на виду?
Умер, старик,

Или дожил?..
Мертвым,
Живым —
Но тебя я найду
И приведу к молодежи.

Пусть, окружив
Белозубой гурьбой,
Друг мой, хороший
И шалый,
Пусть посмеются они
Над тобой
И загрустят — пожалуй.

Пусть
Они скажут,
Прочтя о тебе,
Знавшем и солнце и ливни:
— Как хорошо
Оказаться
В борьбе
Не гимназистом наивным!..

Чтобы действительно
Сладость понять,
Горечи, други,
Попейте!
Надо познать эту жизнь,
Познать
Всю,
До копейки.

1926—1933

ПОВЕСТЬ О РЫЖЕМ МОТЭЛЕ, ГОСПОДИНЕ ИНСПЕКТОРЕ, РАВВИНЕ ИСАЙЕ И КОМИССАРЕ БЛОХ

Глава первая

ДО БЕЗ ЦАРЯ И НЕМНОГО ПОСЛЕ

И дед и отец работали.
А чем он лучше других?
И маленький рыжий Мотэле
Работал
За двоих.

Чего хотел, не дали.
(Но мечты его с ним!)
Думал учиться в хедере[1],
А сделали —
Портным.
— Так что же?
Прикажете плакать?
Нет так нет! —
И он ставил десять заплаток
На один жилет.
И...

---

[1] **Хедер** — школа.

(Это, правда, давнее,
Но и о давнем
Не умолчишь.)
По пятницам
Мотэле давнэл[1],
А по субботам
Ел фиш[2].

ЖИЛИ-БЫЛИ

Сколько домов пройдено,
Столько пройдено стран.
Каждый дом — своя родина,
Свой океан.
И под каждой слабенькой
крышей,
Как она ни слаба,—
Свое счастье,
Свои мыши,
Своя судьба...

И редко,
Очень редко —
Две мыши
На одну щель!

Вот: Мотэле чинит жилетки,
А инспектор
Носит портфель.

---

[1] Молился.
[2] Фиш — рыба.

И знает каждый по городу
Портняжью нужду одну.
А инспектор имеет
Хорошую бороду
И хорошую
Жену.

По-разному счастье курится,
По-разному —
У разных мест:
Мотэле мечтает о курице,
А инспектор
Курицу ест.

Счастье — оно игриво.
Жди и лови.
Вот: Мотэле любит Риву,
Но... у Ривы
Отец — раввин.

А раввин говорит часто
И всегда об одном:
— Ей надо
Большое счастье
И большой
Дом.

Так мало, что сердце воет,
Воет, как паровоз.
Если у Мотэле все, что большое,
Так это только
Нос.

— Ну, что же?
Прикажете плакать?
Нет так нет! —
И он ставил заплату
И на брюки
И на жилет.
. . . .

Да, под каждой слабенькой крышей,
Как она ни слаба,—
Свое счастье, свои мыши,
Своя
Судьба.

И сколько жизнь ни упряма,
Меньше, чем мало — не дать.
И у Мотэле
Была мама,
Еврейская старая мать.

Как у всех, конечно, любима.
(Э-э-э... об этом не говорят!)
Она хорошо
Варила цимес
И хорошо
Рожала ребят.
И помнит он годового
И полугодовых...

Но Мотэле жил в Кишиневе,
Где много городовых,

Где много молебнов спето
По царской родовой,
Где жил... господин... инспектор
С красивой бородой...

Трудно сказать про омут,
А омут стоит
У рта:
Всего...
Два...
Погрома...
И Мотэле стал
Сирота.

— Так что же?
Прикажете плакать?!
Нет так нет!! —
И он ставил заплату
Вместо брюк
На жилет.

. . . . .

А дни кто-то вез и вез.
И в небе
Без толку
Висели пуговки звезд
И лунная
Ермолка.
И в сонной, скупой тиши
Мыши пугали скрипом.
И кто-то

Шил
Кому-то
Тахрихим [1].

«ПРИ ЧЕМ» И «НИ ПРИ ЧЕМ»

Этот день был таким новым.
Молодым, как заря!
Первый раз тогда в Кишиневе
Пели не про царя!

Таких дней немного,
А как тот — один.
Тогда не пришел в синагогу
Господин
Раввин.

Брюки,
Жилетки,
Смейтесь!
Радуйтесь дню моему:
Гос-по-дин по-лиц-мейстер
Сел
В тюрьму!
Ведь это же очень и очень,
Боже ты мой!

Но почему не хохочет
Господин
Городовой?

---

[1] Тахрихим — саван.

Редкое, мудрое слово
Сказал сапожник Илья:
— Мотэле, тут ни при чем Егова,
А при чем — ты
И я.

. . . .

И дни затараторили,
Как торговка Мэд,
И евреи спорили:
«Да» или «нет»?
Так открыли многое
Мудрые слова.
Стала синагогою
Любая голова.
Прошлым мало в нынешнем:
Только вой да ной.
«Нет»,—
Инспектор вырешил.
«Да»,—
Сказал портной.

. . . .

А дни кто-то вез и вез.
И в небе
Без толку
Висели пуговки звезд
И лунная
ермолка.

И в сонной, скупой тиши
Пес кроворотый лаял.

И кто-то
Крепко
Сшил
Тахрихим
Николаю!

Этот день был
Таким новым,
Молодым, как заря!
Первый раз тогда в Кишиневе
Пели
Не про царя!

Глава вторая

КИШИНЕВСКИЕ ЧУДЕСА

ЧУДО ПЕРВОЕ

Мэд
На базаре
Волнуется.
И не Мэд,
Весь
Ряд:
На вокзал
По улице
Прошел
Отряд...

Но не к этому
Доводы,
Главное (чтоб он сдох!) —
В отряде
С могендовидом [1]
Мотька
Блох!

Идет по главной улице,
Как генерал на парад.
И Мэд на базаре волнуется,
И волнуется
Весь ряд.

ЧУДО ВТОРОЕ

Каждому, слава богу,
Каким аршином ни мерь,—
Особая дорога,
Особая дверь.
И — так
Себе,
Понемногу,
В слякоть,
В снег
Идут особой дорогой
Люди весь век.

Радостный путь немногим.
Не всем,

---

[1] Могендовид — иудейский символический знак — шестиконечная звезда.

Как компот:
Одни ломают ноги,
Другие —
Наоборот.
Вот!

. . . .

Ветер гнусит у околицы,
Горю раввина вторит.
По торе[1]
Раввин молится,
Гадает раввин
По торе.
Трогает рыжие кончики
Выцветшего
Талэса:[2]
«Скоро ли все это кончится?
Сколько еще осталося?»

Тени свечей,
Проталкиваясь,
Мутно растут
И стынут.
И кажется
Катафалком
Комната над раввином.

— Это прямо наказанье!
Вы слыхали?

---

[1] Тора — священное писание.
[2] Талэс — молитвенное одеяние.

Хаим Бэз
Делать сыну обрезанье
Отказался
Наотрез.

Первый случай в Кишиневе!
Что придумал, сукин сын?!
Говорит:
«До-воль-но кро-ви,
Ува-жае-мый рав-вин!!!»

. . . .

Много дорог, много,
Столько же, сколько глаз!
И от нас
До бога,
Как от бога
До нас.

ЕЩЕ О ПЕРВОМ ЧУДЕ

И куда они торопятся,
Эти странные часы?
Ой, как
Сердце в них колотится!
Ой, как косы их усы!
Ша!
За вами ведь не гонятся?
Так немножечко назад...
А часы вперед,
Как конница,
Все летят, летят, летят...

. . . .

В очереди
Люди
Ахают,
Ахают и жмут:
— Почему
Не дают
Сахару?
Сахару почему не дают?

Видимо,
Выдать
Лень ему.
Трудно заняться час?
Такую бы жизнь — Ленину,
Хорошую,
Как у нас!
Что вы стоите,
Сарра?
Что может дать
Слепой,
Когда
Комиссаром
Какой-то
Портной?
Ему бы чинить
Рубаху,
А он комиссаром
Тут!..

В очереди люди ахают,
Ахают
И жмут.

ЧУДО ТРЕТЬЕ

Эти дни
Невозможно мудры,
Цадики[1], а не дни!
В серебро золотые кудлы
Обратили они.
Новости каждый месяц.
Шутка сказать:
Жена инспектора весит
Уже не семь,
А пять.

А Мотэле?
Вы не смейтесь,
Тоже не пустяк:
Мотэле выбрил пейсы,
Снял лапсердак.

Мотэле весь перекроен
(Попробовал лучший суп!):
Мотэле смотрит
«В корень»
И говорит:
«По су-ще-ству».

Новости каждый месяц,
Шутка сказать:
Жена инспектора весит
Уже не семь,
А пять!

---

[1] Цадики — мудрецы, ученые.

И носик
Почти без пудры.
И глазки —
Не огни...
Эти дни невозможно мудры,
Цадики, а не дни!

. . . .

Много дорог, много,
А не хватает дорог.
И если здесь —
Слава богу,
То где-то —
Не дай бог.
Ох!

...Ветер стих за околицей,
Прислушиваясь, стих:
Инспектор не о себе молится,
Инспектор молится
О других.
Голос молитвы ровен.
Слово сменяется вздохом:
«Дай бог
Жене здоровья,
Дай бог
Хворобы Блоху...
Дай бог то и это.
(Многое дай бог, понятно!)

Дай бог сгореть советам,
Провалиться депутатам...
Зиму смени

На лето,
Выпрями то,
Что смято...
Дай бог и то и это,
Многое дай бог, понятно».

ЧУДО НЕКИШИНЕВСКОГО МАСШТАБА

Слишком шумный и слишком скорый
Этих лет многогамный гвалт.
Ой, не знала, должно быть, тора,
И раввин, должно быть, не знал!
Кто подумал бы,
Кто бы поверил,
Кто поверить бы этому мог?
Перепутались
Мыши, двери,
Перепутались
Нитки дорог.

В сотый век —
И, конечно, не чаще
(Это видел едва ли Ной!)
По-портняжьему
Робко счастье
И, как счастье,
Неробок портной.

Многогамный, премудрый гомон!..
Разве думал инспектор Бобров,

Что когда-нибудь
Без погромов
Проблаженствует Кишинев?!
Кто подумал бы,
Кто бы поверил,
Кто поверить бы этому мог?
Перепутались
Мыши, двери,
Перепутались
Нитки дорог.

Глава третья

НОВОЕ ВРЕМЯ — НОВЫЕ ПЕСНИ

СИНАГОГАЛЬНАЯ

В синагоге —
Шум и гам,
Гам и шум!
Все евреи по углам:
Ш-ша!
Ш-шу!

Выступает
Рэб Абрум.
В синагоге —
Гам и шум,
Гвалт!

. . . .
Рэб Абрум сказал:
«Бо-же мой!»
Евреи сказали:
«Беда!»
Рэб Абрум сказал:
«До-жи-ли!»
Евреи сказали:
«Да».

. . . .
А раввин сидел
И охал
Тихо, скромно,
А потом сказал:
«Пло-ха!»
Сказал и вспомнил
Блоха.

ПОЧТИ СВАДЕБНАЯ

Лебедю в осень снится
Зелень озерных мест,
Тот, кто попробовал птицы,
Мясо не очень ест.
Мудрый раввин Исайя
Так мудр!
Так мудр!
Почти
Наизусть знает
Почти
Весь талмуд.

Но выглядит все-таки плохо:
Щукой на мели...
— Мне к комиссару Блоху... —
Его провели.

Надо куда-то деться:
К черту!
К небесам!

— До вас небольшое дельце,
Товарищ комиссар.
У каждого еврея
Должны дочери быть.
И каждому еврею
Надо скорее
Своих
Дочерей сбыть...
Вы — мужчина красивый,
Скажемте:
Зять как зять.
Так почему моей Ривы
Вам бы
Не взять?
Отцу хвалить не годится,
Но, другим не в укор,
Скажу:
Моя девица —
Девица до сих пор.

Белая, белая сажица!
Майский мороз!

Раввину уже кажется,
Что у Блоха...
Короче нос?!

ПЕСНЯ «ТЕКУЩИХ ДЕЛ»

И куда они торопятся,
Эти странные часы?
Ой, как сердце в них колотится!
Ой, как косы их усы!
Ша!
За вами ведь не гонятся!
Так немножечко назад...
А часы вперед, как конница,
Все летят.

. . . .

Этот день был
Небесным громом,
Сотрясеньем твердынь!
Мэд видала,
Как вышел из дому
Инспектор — без бороды?!
— Выбрился,
Честное слово! —
Тысяча слов!
И ахал в Кишиневе
Весь Кишинев.

. . . .

И собаки умеют плакать,
Плакать, как плачем мы.
Ну, попробуйте, скажем, лапу
Ударить, ущемить?

Да, бывает —
Собака плачет.
А что же тогда человек?
И много текло горячих,
Горьких, соленых рек.

Слезы не в пользу глазу.
И человек сказал:
— Н-ну! —
Так инспектор потерял сразу
И бороду
И жену.

Хоть жену не совсем утратил,
Но курица стала не та.
Ну, скажем,
Стала его Катя
Курица без хвоста.
«Счастье — оно игриво.
Счастье — сумасброд».
И ждал он терпеливо:
«Наверно, назад придет».

Но... на морозе голого
Долго не греет дым...
И он опустил голову,
Голову без бороды.

Так, окончательно сломан,
Робок, как никогда,
Инспектор

Пришел к портному,
Чтобы сказать:
«Да».

. . . .

Маленький, жиденький столик.
(Ножка когда-то была.)
Испектор сидит и колет
«Текущие дела».

Путь секретарский тяжек:
Столько серьезных слов!
Сто-лько се-рьез-ных бу-ма-жек!
И на каждой:
«Блох», «Бобров».

Жутко: контроль на контроле.
Комиссия вот была...
Испектор сидит и колет
«Текущие дела».
И... он мечтает — не больше
(Что же осталось ему?),
Как бы попасть
В Польшу
И не попасть
В тюрьму...

В ОБЩЕМ ФОКУСЕ

Что значит:
Хочет человек?
Как будто дело в человеке!

Мы все, конечно, целый век
Желаем
Золотые реки.
Все жаждем сахар, так сказать,
А получается иначе;
Да, если хочешь
Хохотать,
То непременно
Плачешь.

Но дайте жизни...
Новый век...
Иной утюг,
Иная крыша,
И тот же самый человек
Вам будет
На голову выше.

Для птицы главное — гнездо.
Под солнцем всякий угол светел.
Вот Мотэле —
Он «от» и «до»
Сидит в сердитом
Кабинете.
Сидит как первый человек.
И «нет так нет»
Здесь не услышишь.
В чем фокус? Тайна?..
Новый век.
Иной утюг,
Иная крыша...

О-о-о, время!
Плохо... Хорошо...
Оно и так
И этак вертит.
И если новым
Срок пришел,
То, значит, старым —
Время смерти!

ПОГРЕБАЛЬНАЯ

Комната... тихо... пыльно.
Комната... вечер... синь.
Динькает
Будильник:
Динь...
Динь...
Динь...

Час кончины —
Он приходит
Тихо-тихо,
Не услышишь.
И уходит молча счастье,
И уходят
Мыши.
Только горе неизменно.
Заржавел пасхальный чайник!

И задумаются стены.
И —
Молчанье.

Он заснежит, он завьюжит
В полночь, ветер белорукий...
И совсем теперь не нужен
Ни талмуд,
Ни брюки.
Тихо.
Сумрак нависает.
Не молитва
И не ужин...
Пусть по-новому, Исайя,
Стол тебе послужит.
А потом — к иному краю,
В рай, конечно, не иначе...
Тихо!
Свечи догорают.
Тихо.
Сарра плачет...

О-о-о, время!
«Плохо»... «Хорошо»...
Оно и так
И этак вертит,
И если новым
Срок пришел,
То, значит, старым —
Время смерти...
Да, если новым срок пришел,
То, значит, старым —
Фэртиг... [1]

---

[1] Фэртиг — готово, конец.

ПОСЛЕСЛОВИЕ

До Кракова —
Ровно сорок,
И до Варшавы —
Сорок.
Но лучше, чем всякий город,
Свой, родной город.
Разве дворцом сломите
Маленькие заплатанные,
Знаете, домики,
Где смеялись и плакали?
Вот вам
И меньше и больше.
Каждому свой мессия!
Инспектору
Нужно Польшу,
Портному —
Россия.

Сколько с ней было пройдено,
Будет еще пройдено!
Милая, светлая родина,

Свободная родина!
Золото хуже меди,
Если рукам верите...
И Мотэле
Не уедет,
И даже
В Америку.

Не-ет, он шагал недаром
В ногу с тревожным веком.
И пусть он — не комиссаром,
Достаточно —
Че-ло-ве-ком!
Можно и без галопа
К месту приехать:
И Мотэле будет штопать
Наши прорехи.
. . . . . .

Милая, светлая родина,
Свободная родина!
Сколько с ней было пройдено,
Будет еще пройдено!!!

1924—1925
Иркутск — Москва

СОДЕРЖАНИЕ

СТИХОТВОРЕНИЯ

ПОЭМЫ

Уткин
Иосиф Павлович

СТИХОТВОРЕНИЯ И ПОЭМЫ

Редактор *И. Чеховская*
Художественный редактор *Ю. Васильев*
Технический редактор *С. Розова*
Корректор *Т. Козменко*

Сдано в набор 10/V — 1961 г.
Подписано к печати 15/VIII — 1961 г.
Бумага 70 × 108 1/32 — 10,25 печ. л. =
= 14,04 усл. печ. л. 9,26 + 1 вкл. =
= 9,30 уч.-изд. л. Тираж 40 000. Зак. 436
Цена 57 коп.

Гослитиздат
Москва, Б-66, Ново-Басманная, 19

Московская типография № 8
Управления полиграфической
промышленности Мосгорсовнархоза
Москва, 1-й Рижский пер., 2